ОИ
для об

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОМИССИЯ
по изучению истории профессионального движения в Пензенской губернии
(ИСТПРОФ ГУБПРОФСОВЕТА).

РАБОЧЕЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Материалы к истории.

1850—1918 г.г.

15408

Составлено и обработано П. О. НИКИШИНЫМ.
Под редакцией ИСТПРОФА ГУБПРОФСОВЕТА.

Издание Истпрофа Пензенского Губпрофсовета.
1927 г.

Пенза. Гублит № 1042. Типо-литография им. тов. Воровского. Тираж 3000.

711554

От автора.

Настоящая работа—первая попытка собрать воедино материалы по истории рабочего и профессионального движения в Пензенской губернии.

***Материалы** эти охватывают период времени с 1850 до 1918 года включительно и представляют наиболее важнейшие моменты борьбы Пензенского пролетариата за указанное время.*

Здесь собрано все, что могли дать нам имеющиеся в наличии архивные документы, или источники, и воспоминания свидетелей, более или менее, далекого и недавнего прошлого истории рабочего и профессионального движения в Пензенской губернии.

*Но мы должны оговориться: **Материалы** эти, несмотря на обилие их, еще не в полной мере отражают моменты, которые мы хотим осветить. **Материалы к истории** могли бы быть полнее, если бы сохранились все архивные документы, все периодические издания, выходившие в Пензе, в той или иной мере освещавшие на своих страницах рабочую и профессиональную жизнь губернии.*

Этого то как раз и нет. В местных архивах совершенно, например, нет материалов фабричной инспекции с момента ее, инспекции, возникновения. Эти документы—а их было очень много—по совершенно непонятным побудительным причинам, уничтожены чехами во время их майского мятежа в Пензе, в 1918 году.

А, между тем, эти документы пролили бы много света на рабочее и профессиональное движение до революции 1917 года.

Не сохранились также документы об этом движении и у отдельных товарищей, некогда стоявших во главе профдвижения и хранивших эти материалы (протоколы нелегальных собраний, разные записи, переписку и т. п), у себя на дому. Так, напр., такого рода материалы у тов. Трясогузова, бывшего члена правления саюза металлистов в до-февральский период, уничтожены чехами же при обыске; у тов. Воронова материалы, касающиеся профсоюза печатников г. Пензы, сгорели во время пожара, и т. д.

Даже больше—мы не могли получить в свое распоряжение для соответствующего использования первую большевистскую газету „Голос Правды", где за 1917—18 годы, надо предполагать, можно было бы почерпнуть массу сведений, которые значительно пополнили бы последние отделы данной книги, освещающие моменты профдвижения Февральской о Октябрьской революций. При самых тщательных розысках, мы нигде не могли достать не только полною комплекта «Голоса Правды», но даже хотя бы отдельных номеров названной газеты.

1. Промышленность губернии в крепостную эпоху и начало рабочего движения.

Всем известна истина, что первоначальное появление той или иной классовой организации рабочих политической—партии или профессиональных союзов—находится в непосредственной зависимости от всех наличных и прошлых условий классовой борьбы; эти условия, в свою очередь, определяются характером пред'идущего развития и состоянием в известные периоды народного хозяйства государства или его губернии. Следовательно, степень состояния промышленности и является основой, на которой и развивается рабочее движение.

Главными отраслями местной промышленности в крепостную эпоху были: винокурение, фабрикация сукон, обработка металлов, стеклянное и хрустальное производство, кожевенное, свекло-сахарное и другие, всего 16 основных отраслей промышленности с 228-ю фабриками и заводами*).

Кроме того, широко развиты были судоходство и судостроение по рекам Суре, Мокше, Инзе и Тешнярь. За отсутствием в губернии того времени железно-дорожного сообщения и сносных трактовых дорог, судоходство и сплав по названным рекам были самыми удобными путями продвижения товаров фабрично-заводской промышленности и продуктов сельского хозяйства к Волге. Короче говоря, это были главные артерии ввоза и вывоза. На Суре и Мокше строились такие же различные суда, как и на Волге: суряки, парусные расшивы и гусянки длиною от 10-ти до 27 сажен и шириною от 4-х до 6-ти сажен, с под'емом груза от 12-ти до 33-х тысяч пудов; барки, полубарки и всевозможные другие речные суда. Из *обзора внутреннего судоходства империи* за 1851 год видно, что за этот год на одной только Суре было построено таких судов 16: борелей 3, суряков 3 и гусянок 10. По Суре же, начиная от Пензы, ежегодно ходило к Оке, к Волге и далее до 60-ти судов и до 85-ти плотов с грузами. Так как в большинстве случаев судовладельцам было невыгодно гнать суда обратно против течения бичевой, то все эти расшивы, суряки и проч., за исключением парусников, обычно продавались на местах доставки грузов, где-нибудь в Костроме, Нижнем, Казани, Саратове или Астрахани, и в следующую навигацию отправка товаров из гу-

*) Сталь и Рябинин. „Материалы к географии и статистике России". Пензенская губерния, ч. 2-я, стр. 1—2.

Такая ограниченность наличия исторических докутентов и печатных материалов, естественно, не могла не отразиться пробелами некоторых моментов рабочего и профессионального движения, которые, все-же, мы заполнили воспоминаниями участников этого движения. Насколько всесторонне охватывают эти воспоминания те или иные, освещаемые ими, моменты—пусть судят сами читатели-рабочие. Мы же, пользуясь случаем, считаем уместным напомнить всем профорганизациям губернии интенсивнее заняться собиранием материалов, дающих более полное освещение прошлого и настоящего их союзов—материалов, которые, несомненно, в недалеком будущем понадобятся для составления ***Истории рабочего и профессионального движения*** *в Пензенской губернии.*

Данная-же работа есть только ***Материалы к истории*** *этого движения.*

В заключение выражаем благодарность всем, кто содействовал—предоставлением в наше распоряжение нужных архивных документов и материалов, указаниями, воспоминаниями и т. п.—ускорению и самому выходу в свет данной книги: научным работникам Пензенского губархбюро, сотрудникам Лермонтовской библиотеки, товарищам, давшим свои воспоминания или же печатные, сохранившиеся у них материалы, послужившие нам источником получения необходимых сведений.

бернии происходила уже на новых судах. Вследствие этого судостроением занято было довольно большое количество рабочих, от 5-ти до 7-ми тысяч человек.

С развитием, в дальнейшем, машинного пароходства, судоходство по рекам Суре, Мокше и другим совсем замерло, уничтожив один из важнейших промыслов губернии.

Какую же роль судоходный промысел губернии сыграл в истории местного рабочего движения?

Роль судоходного промысла в развитии рабочего движения, несомненно, была значительна.

Мы уже называли, количество рабочих, занятых на судоходстве. Помимо количества, тут более важно другое обстоятельство, а именно: в то время, как фабрично-заводские рабочие крепостной эпохи, ведя замкнутый образ жизни, в силу экономических и политических условий того времени, были оторваны от внешнего мира, лежащего за чертой их фабрики и завода, судовые рабочие, в количестве от 50 до 100 человек на судне, плавая до Нижнего и в другие Поволжские города, а нередко и до Москвы, соприкасаясь с более культурными рабочими этих городов, естественно, заражались их настроениями, учились их опытам организованно выступать за свои права и т. д., и, возвращаясь к себе на родину, переносили сюда всю ту сумму сведений и впечатлений, какие они получали в больших промышленных городах. Поэтому не случаен тот факт, что рабочее движение в Пензенской губернии в крепостную эпоху отмечается только исключительно в северном районе ее—в Нижне-Ломовском и Краснослободском уездах, где тысячи рабочих были заняты на судоходстве.

Теперь, если мы обратимся к фабрично заводской промышленности губернии, мы увидим, как конкуренция более лучших, более оборудованных фабрик и заводов соседних губерний приостановила дальнейшее развитие промышленности Пензенской губернии.

Даже больше—эта конкуренция в отношении некоторых видов местной промышленности была прямо убийственна. Так, например, из 14 свекло-сахарных заводов Пензенской губернии в 60-х годах, к 70-ым не осталось уже ни одного, ибо конкуренция южных свекло-сахарных заводов, отсутствие быстрых путей сообщения и необорудованность местных заводов машинами и техникой позднейшего времени, сделали невозможным дальнейшее существование здесь свекло-сахарной промышленности.

Такая же судьба полного упадка постигла и металлообрабатывающую промышленность, также, при несовершенстве своей техники и отсутствия хороших путей сообщения, не выдержавшей конкуренции с металообрабатывающей промышленностью Нижегородской, Саратов-

ской и других соседних губерний. По мере свертывания фабрично-заводской промышленности, уменьшалось и количество занятых на фабриках и заводах рабочих.

В то время, как последних в 60-х годах было 9096, а в начале 70-х годов это количество сразу же пало до 7230, а число одних только крупных фабрик и заводов уменьшилось на 14.*)

В этом упадке местной промышленности крепостной эпохи существенное значение имела и до мизерного ничтожная оплата труда рабочих, эксплоатация которых достигала чудовищных размеров.

Вследствие этого квалифицированные рабочие уходили в другие губернии, где труд был, сравнительно, легче и оплачивался дороже.

Так, по статистике тех лет за четыре года (1856—1859), вследствие указанной причины, из губернии выселилось 5.975 человек, т. е. в среднем по 1.500 в год.

Это навсегда.

Еще большее количество дают временные выселения, на отхожие промыслы—в среднем 12—13 тысяч человек ежегодно. *

По свидетельству исследователей того времени, ни одна губерния России не давала такого высокого процента переселений и отлучек в отхожие промыслы чернорабочих и ремесленников, как Пензенская, потому что, как говорится в исследованиях современников, „жители ее весьма нуждались в средствах к жизни и искали их за пределами губернии".

Вот почему с падением судоходства по Суре и другим рекам, являвшемся, в сравнении с гужевым транспортом, более дешевым способом вывоза излишков хлеба из губернии, и падением, вследствие этого, цен на продукты сельского хозяйства,—в губернии стали возникать в массовом количестве винокуренные заводы, техника которых не требовала особых перемен и усовершенствований и которые, за отсутствием путей сообщения и сбыта хлеба, прямо были жизненно необходимы для крестьянства и помещиков. Пользуясь почти даровыми хлебом и рабочей силой, винокуренная промышленность губернии росла так же быстро, как быстро свертывалась металлобрабатывающая промышленность, свекло-сахарная и другие. Так, к моменту падения крепостного права, в 1861 г. в губернии уже было 70 винокуренных заводов с 5.403 рабочими на них.

Таким образом, мы установили, что промышленность Пензенской губернии технически была отсталой по сравнению с соседними губерниями, но, тем не менее, она давала владельцам более жизненных предприятий довольно значительные доходы, в среднем 3711000 р. в год.

*) Сталь и Рябинин. „Материалы к географии и статистике России". Пензенская губерния, ч. 2-я, стр. 8.

Легко представить, какой же жестокой эксплоатации подвергались рабочие. чтобы при отсталости фабрично-заводской техники, дороговизне путей сообщения и конкуренции, сравнительно, высоко развитой промышленности соседних губерний,—чтобы, при всех этих неблагоприятных данных, давать Пензенским промышленникам столь высокую прибыль!

Свертываясь, промышленность губернии с 228 фабрик и заводов к 1862 году пала до 85 предприятий, в том числе 70 винокуренных заводов, заняв по количеству фабрик. и заводов 32-ое место среди других губерний России (в этом году Петербургская губерния, напр., имела 562 фабрики и завода, Московская—1027, Нижегородская—628).

Главные произведения губернии—продукты сельского хозяйства и фабрично-заводские изделия—стали поставляться на внегубернские рынки в 5 и 10 раз менее, чем соседями: Саратовской, Симбирской, Нижегородской и Тамбовской губерниями.

Конкуренция этих губерний, убивая промышленность Пензенской, убивала и ее торговлю.

Здесь небезинтересно привести данные о торговле уже за послекрепостной период, а именно 1863-й год:

Губернии.	Число ярмарок городских и сельских.	Продано на сумму рубл. серебром.	Привезено товара на сумму рубл. серебром.
Нижегородская	51	101.186.000	90.857.000
Саратовская	122	5.692.000	2.238.000
Тамбовская	189	5.285.000	2.184.000
Симбирская	53	6.781.000	4.074.000
Пензенская	44	1.778.000	793.000*)

И так, основные моменты характера промышленности в крепостную эпоху и его влияние на развитие рабочего движения мы, насколько позволяют имеющиеся в нашем распоряжении материалы, выявили. Мы узнали причины массовых отливов квалифицированных рабочих в другие губернии, и, на основании этих, хотя и не вполне всесторон-

*) Сталь и Рябинин. „Материалы к географии и статистике России". „Пензенская губерния", ч.—2-я, стр. 105—106.

них, свединий, мы имеем некоторое представление о первопричинах численной слабости пролетариата Пензенской губернии.

Какой момент считать началом массового рабочего движения.

Рабочее движение, или борьба рабочих с капиталистами-хозяевами за экономические и правовые улучшения, началось с тех самых пор, когда в том или ином районе России появлялись производства с наемной рабочей силой, т. е. фабрики и заводы. Возникновение фабрик и заводов в Пензенской губернии относится к второй половине 18 века (старейший завод в губернии, Никольско-Пестровский стекло-хрустальный, основан в 1764 году), когда закончилась колонизация—края и когда последний в административном отношении был выделен в самостоятельную губернскую единицу.

Фабрики и заводы того времени принадлежали или помещикам, или казне; если же и появлялись в крепостную эпоху выходцы-капиталисты из других сословий, то и они, приобретая земли и крестьян, фактически тоже становились помещиками. Поэтому в начале, когда фабрично-заводское производство было тесно связано *с рабовладением, как средством получения даровых рабочих* рук, большинством рабочих на фабриках и заводах являлись крепостные владельцев предприятий, меньше—наемные крепостные других помещиков, отпускаемые на оброк, т. е. на заработки своему помещику, взамен барщины[2], т. е. договоренной суммы оброчных денег, и еще меньше-так наз. цеховые, т. е. ремесленники-мещане и вольноотпущенники или откупившиеся от крепостной зависимости и обучившиеся какому-либо ремеслу. И только к концу первой половины прошлого столетия последние категории рабочих, вследствие разных причин экономического порядка, о чем речь буедет ниже, начинают численно превышать первую, и уже к 60-ым годам рабочий класс представляет из себя довольно значительную величину: в нем начинают проявляться признаки классового самосознания, начинаются, хотя и не всегда организованные, выступления рабочих на почве крайнего недовольства каторжным режимом фабрично-заводских условий труда. Здесь небезинтересно проследить, в какой прогрессии происходила пролетаризация крестьянства, крепостного и государственного, вообще и как, в частности, количественно рос рабочий класс. Об этом довольно наглядное представление дают последние перед падением крепостного права четыре ревизии, или переписи губернии. Вот результаты этих ревизий в отношении интересующего нас вопроса:

	7-ая ревизия 1816 г.	8-ая ревизия 1834 года.			9-ая ревизия 1851 года.			10-ая ревизия 1858 года.		
	Мужского пола.	Мужчин.	Женщин.	Обоего пола.	Мужчин.	Женщин.	Обоего пола.	Мужчин.	Женщин.	Обоего пола.
Мещан и цеховых	5432	8675	8924	17599	13385	Сведений нет.	—	15719	17184	32903
Мастеровых казенных..	7	9	6	15	12		—	14	8	22
Мастеровых при частных заводах.....	624	1633	1651	3284	1864		—	1888	2072	3960

Количество рабочих на отдельных заводах превышало 200 (Авгурский чугунно-плавильный, Кранослободского уезда) и даже доходило до 400 (Н.-Пестровский хрустально-стекольный). Обычно, рабочий день на всех предприятиях в летнее время равнялся 15-ти часам, в зимнее—13-ти часам, с незначительными перерывами для принятия пищи. И за такой, поистине каторжный, труд, рабочие получали: вольнонаемные от 3 до 4 рублей 20 коп. серебром в месяц, рабочие, приписанные к заводу N—от 2 до 4 рублей 50 коп. и женщины—от 1 рубля до 1 рубля 30 коп. серебром в месяц.*) Цены же на продукты потребления средние годовые были: четверть ржаной муки (7 п. 10 ф.) стоила 3 руб. 50 коп. серебром, пуд мяса говяжьего 2 рубля 80 коп., мясо баранье—2 руб. 40 коп., пуд масла коровьего топленого—8 руб. 15 коп., сажень дров—5 рублей.

Естественно, что такого рода изнурительный и плохо оплачиваемый труд рабочих, рано или поздно, должен был вызвать не одно только глухое недовольство, а протесты более решительного характера. Такими протестами, первыми по времени в истории рабочего движения Пензенской губернии, и явились восстания на Авгурском чугунно-плавильном заводе, Краснослободского уезда, и забастовка на Голицынской суконной фабрике, Н.-Ломовского уезда.

Восстание рабочих Авгурского чугунно плавильного завода и забастовка на Голицынской суконной фабрике.

Дело было так. 4-го января 1858 года мастеровые Авгурского чугун.-плавильного завода и вспомогательные заводу крестьяне деревни Русско-Маскиной, Краснослободского уезда, в числе 200 человек, явились к поручику Манухину, которому Сивинские заводы принадлежали на поссессионном праве[3] и потребовали от него

Сталь и Рябинин. „Материалы для географии и статистики России". Часть 2-я, стр. 60—61.

нового положения по задельным платам. а равно дозволения рубить дрова в заводских дачах без ограничения, сколько хотят.

Затем, под предводительством мастерового Ивана Герасимова, рабочие направились в Краснослободск, дав общую клятву не выдавать друг друга. 9-го января, придя к уездному предводителю дворянства, рабочие повторили те же требования.

После этого представители власти—чиновник особых поручений и заводской исправник— прибыв в Русскую-Маскину, старались угрозами обратить возмутившихся рабочих горно-заводского ведомства к повиновению, но их усилия остались тщетными; рабочие отказались работать, пока не будет увеличена задельная плата с 7½ коп. до 1-го рубля ассигнациями*). Вместе с тем они потребовали, чтобы владелец завода отдал им в пользование всю заводскую землю и выдал капитал, составившийся путем вычетов из задельной платы за прошлое время. На следующий день на завод прибыли две роты солдат и застали рабочих, в числе более 200 человек, собравшихся в одной узкой улице деревни, вооруженных дубинами, топорами и ножами. Когда солдаты стали окружать их, рабочие с криками бросились на них, пустив в ход имевшееся у них оружие. Завязалась борьба. Солдаты действовали прикладами и штыками. Рабочие сдались; восстание было подавлено. Началась расправа.

16 передовых, вожаков восстания, были арестованы и преданы военному суду, который многих из них подверг жестокому наказанию и ссылке в Сибирь. В конце того же года здесь произошли снова волнения. Хотя приехавшим для разбора жалоб берг-инспектором[4] поденная плата была несколько увеличена, но рабочие остались недовольными и выразили это новым возмущением и противодействием военной команде. 17 рабочих, стоявших во главе движения, были посажены в острог и дело о них перешло на рассмотрение Правительствующего Сената[5]. В следующем, 1859 году, 50 мастеровых того же завода снова подали жалобу на притеснение со стороны Манухина.

Ревизовавший Пензенскую губернию сенатор Сафонов, познакомившись с их положением, признал необходимым повысить поденную плату на 5 коп. ассигнациями, и с августа установлена была новая табель, согласно которой мастеровые от 15 до 18-ти лет получали по 21 коп. ассигнациями в день, от 18 до 21 года—25, а от 21 года—40, 45, 52 и 72 коп. ассигнациями в день, смотря по цеху*).

Забастовка ткачей Голицынской фабрики началась и кончилась при следующих обстоятельствах. Крепостные рабочие-ткачи суконной

*) По счету того времени, 1 рубль ассигнациями равнялся 33⅓ коп. серебром.

фабрики помещицы Лубяновской в селе Голицыне, Н.-Ломовского уезда, заявили протест против непосильной урочной работы и чрезвычайно низкой оплаты труда (к обычному голодному пайку крепостным ткачам приплачивалось 5 коп. ассигнациями в день на человека).

Эта забастовка ткачей вызвала переполох среди властей и помещиков. Исправник отправил срочное донесение губернатору, в котором, описав положение дела, ставил в известность, что „от такого непослушания помещица не может быть исправной поставщицей в казну сукон от чего потерпит значительные убытки", и что его „просили вразумить мастеровых фабрики полицейскими мерами, дабы они не выходили из повиновения".

Приехав в Голицыно, исправник собрал ткачей и угрожающе приказал:

— Положенные уроки должны быть выполнены!

Но ткачи не уступали, требуя улучшения их невыносимого положения.

Невыносимость этого положения даже исправник—и тот не нашел возможным скрывать.

Но тем не менее, тогда:

„За упорство их в неповиновении, я наказал 24 человека розгами которые при наказании обещались выполнять в точности свою работу и быть послушными. Двое же ткачей, Иван Гаврилов и Иван Данилов, во время внушения моего скрылись и не отысканы **).

Но как не предупредительны были полицейские меры, как не бдительны были сами владельцы предприятий, тем не менее, сдерживать недовольство рабочих, держать их в рамках беспрекословного повиновения, уже было нельзя.

Это недовольство то в одном, то в другом месте, прорывалось в форме или открытого, или скрытого противодействия крепостной эксплоатации, вплоть до полного отказа от работ. Так, на той же Голицинской фабрике в 1860 г. имел место случай полного отказа рабочих работать на барщину. На этот раз в Голицыно снова нагрянул отряд полиции во главе с исправником. Рабочих били плетями,

---

*) „Архив труда в России", книга 2-я, стр. 135 и 136.

**) Архив. фонд Пенз. губернатора. Дело № 20, 1858 г. „О беспорядках в имении г. Лубяновской".

розгами, „чем,—по признанию исправника,—и привели их в повиновение и восстановили прежний порядок и тишину“ *).

II. Некоторые моменты рабочего и профессионального движения до 1905 г.

Как нарождался рабочий класс.

В 1861 г. крепостное право пало. За освобождение крестьян от крепостной зависимости помещики взяли себе лучшие земли, отдав крестьянам то, что было мало пригодно для ведения их хозяйства. Увеличение народонаселения в губернии усугубляло эти безземелье и бездомность и деревня стала резервуаром, откуда быстро начали пополняться ряды чистого пролетариата, оторванного от земли и не имеющего никакой собственности, никакой экономической зацепы на родине.

Наличие массового количества свободных рук явилось благоприятствующей предпосылкой для развития некоторых видов промышленности губернии, но эта промышленность, за исключением винокуренной, текстильной и некоторых других, была кустарного или полукустарного типа. Она не концентрировала рабочий класс в компактные массы, а распыленный небольшими ячейками по фабрикам и мелким заводам, он, рабочий класс, представлял из себя слабо орга-организованную силу.

К тому же, еще недавно оторванный от земли, он жил настроениями и интересами деревни.

Насколько мелкие формы приняла промышленность губернии, показывают такие цифры 1875 года: в этом году в губернии насчитывалось 1432 фабрики и завода с 12.432 рабочих **), т.-е., в среднем, менее 10 рабочих на предприятии. В таких рамках кустарничества или полукустарничества местная промышленность развивалась и в последующие годы. При этом надо заметить, что значительному дроблению подверглись и более или менее крупные виды промышленности, как, например, винокуренная. В то время, как на 70 винокуренных заводах перед падением крепостного права работало 5.403 рабочих, в том же 1875 г., при таком же количестве заводов, рабочих осталось только 2.082, т. е. менее чем по 30 человек на завод.

Укрупнение шло только по линии суконных фабрик, где на 16 фабриках в том же году рабочих числилось 3.642 человека ***).

---

*) Арх. фонд Пензенского губернатора. Дело № 22, 1860 г.

**) Приложение к всеподданейшему докладу губернатора „Обзор Пензенской губернии за 1875 год“.

***) Там же.

Даже наличие свободной от работ рабочей армии—этого первейшего условия развития капитализма—и то не стимулировало[6] здесь развитие крупной промышленности.

К другим причинам уже послекрепостного периода нужно еще добавить следующее: частный капитал, наиболее предприимчивый, закрыв свои заводы здесь, ушел в другие губернии; главный капиталист губернии остался помещик, непредприимчивый, привыкший жить праздно, малокультурный, предпочел неголоволомное, наиболее легкое и выгодное занятие—выгонку водки из дешевого хлеба.

Дальше этого применения своих капиталов помещик не пошел. Итак, промышленность Пензенской губернии развивалась по линии мелких промыслов, и она не играла столь существенной роли в образовании пролетариата, как обезземеление крестьянства.

Вследствие слабого развития фабрично-заводской промышленности и невозможности применить свой труд на земле, кроме, как случайной поденщиной или испольщиной, в деревне свободные рабочие руки—одни снова дают громадный отлив из губернии, а другие оседают в городах и здесь пополняют класс ремесленников: портных, сапожников, кузнецов, красильщиков, часовщиков и т. д. и т. д.

Таких городских ремесленников в 1875 году имелось: мастеров 9.142, подмастерьев 6.124, учеников 2.764, всего 18.080, т. е. наполовину больше, чем всех рабочих на 1.432 фабриках и заводах губернии *).

Увеличение городского населения и рост его потребностей дали благоприятный стимул для торговли. Во всех торговых предприятиях в Пензенской губернии служащих прилавка в 1875 г. насчитывалось 1.913 человек **). Период первоначального накопления капитала всегда и везде отличался наредкость алчным хищничеством и жестокой эксплоатацией рабочей силы. В Пензенской же губернии тяжесть этого периода для пролетариата усугублялась еще громадным избытком рабочих, конкурирующих друг с другом.

Поэтому эксплоатация рабочего труда здесь была более жестока, чем где-либо.

Это вызывало обратный отлив неустроенного, оказавшегося не у дел, населения из городов.

Свободные от работ рабочие уходили в деревню, к зажиточным крестьянам, в помещичьи экономии, предлагая свой труд за 8—12 рублей на 5 зимних месяцев и не находили работы**).

Проведение железных дорог—Сызрано-Вяземской (в 1874 г.), Московско-Казанской (в 1893 г.), первое время несколько сгладило

*) Приложение к всеподданейшему докладу губернатора „Обзор Пензенской губернии за 1875 год".
**) Там же.
***) Там-же

остроту безработицы, но это только на время, потому что рост народонаселения обгонял развитие промышленности и хозяйства губернии и рост пролетариата в процентном отношении также обгонял общий прирост населения.

Отхожие промыслы и переселение в промышленные районы, вследствие наплыва в них безработных из других губерний, уже не страховали от длительной безработицы, и уход рабочих из губернии в 90-х годах, заметно, приостанавливается. Рабочие начинают приспосабливаться к условиям жизни по линии ремесленничества.

И уже в 1895 г. ремесленников, работающих на дому, насчитывается 30.000 человек*). Это и была база, откуда и тогда, и после местная промышленность в изобилии снабжалась рабочей силой, дешево расценивавшейся на местном рынке.

Слабая организованность рабочих и отсутствие каких либо руководящих центров заранее обрекали на неудачу всякую попытку рабочих добиться улучшения материальных условий. Вот пример провала одной стачки.

Стачка рабочих на пенько-трепальном заводе Барышева, в с. Каменке, Н-Ломовского уезда.

Эта стачка в секретном донесении старшего фабричного инспектора[7] губернатору и прокурору Окружного Суда описана так: „С октября месяца 1900 г. на заводе работает две партии рабочих: одна из крестьян Масальского уезда, Калужской губернии, в числе около 40 человек, а другая из с. Атмиса, Н-Ломовского уезда. До 1 января 1901 года все было спокойно на заводе. С 7 января приехали, по вызову товарищей, вторая партия калужских рабочих, в числе которых оказались лица беспокойные и опытные по части стачек, работавшие в Калужской, Смоленской, Курской и Орловской губерниях. С 18 по 21 января эти калужские рабочие устроили забастовку и телеграммой вызвали сами фабричного инспектора г. Олейникова, прося разобрать их неудовольствие с хозяином. Жалоба состояла в том, что они мало зарабатывали и просили увеличить их расценку работы на 8 коп., т.-е. с 24 коп. на 32 коп. и с 32 коп. на 40 коп. с 1 пуда обрабатываемой пеньки.

Рабочие были наняты на срок, и им отказано инспектором в произвольном, до срока, увеличении заработка. Как ни упирались рабочие, но должны были подчиниться закону и возобновили работу в числе 40 человек. Местные же рабочие не прерывали работы. После этого, забрав деньги к масляной неделе, рабочие Калужской губернии затеяли стачку другим способом.

---

*) И. Ф. Кузьмин. „Пензенская губерния". 1895 г. Изд. Пензенской Ученой Архивной Комиссии.

Они телеграфировали губернатору 12 февраля, что фабричный инспектор и становой пристав, хотя приезжали на завод, но неудовлетворили ходатайство рабочих. Барышев 12-го же февраля телеграфировал участковому инспектору г. Олейникову, что рабочие требуют приезда старшего фабричного инспектора. По этой телеграмме я послал ответ такой: „Об'явите рабочим, что правительство вверило надзору фабричного инспектора Олейникова фабрики Н-Ломовского уезда. Он приедет 14 февраля. В случае неповиновения закону, рабочие будут преданы суду.“ Олейников прибыл в с. Каменку, выслушал, к удивлению своему, жалобу рабочих, что их работу неправильно таксируют, что они работают „Рижский брак“ (сорт) пеньки по 32 коп. а им пишет хозяин в книжке, что принята пенька „Кенигсбергский брак“ по 24 коп. за пуд. Рабочие основывают свою жалобу на том, что хозяин направляет пеньку по железной дороге в г. Ригу, а не в Кенигсберг—доказательство весьма шаткое.

Инспектор и теперь отказал рабочим, а рабочие отказались продолжать работу.

На требование пристава—идти трем зачинщикам в волостное правление для составления протокола, имея этим ввиду устранить влияние вожаков, как того просил фабричный инспектор,—рабочие отказались выдать вожаков, а требовали арестовать их всех или отправить на родину.

Чтобы не раздражать рабочих сильными мерами, фабричный инспектор взял свою просьбу об удалении зачинщиков обратно и телеграфировал мне о необходимости приезда.

Прибыв 14 февраля на завод, я выслушал ту же неосновательную жалобу рабочих.

Особым об'явлением: 1) о невычете принудительно задатков, данных рабочим в Калужской губернии, как частных долгов, 2) об установлении работы пеньки одного „Кенигсбергского брака“ по 24 коп., 3) о сокращении срока найма по св. Пасху, как рабочие действительно договаривались, идя на работу и 4) с предложением взыскать свои убытки до 15 февраля 1901 года судебным порядком с Барышева,—я имел в виду установить более точные договорные условия с рабочими их хозяина. Рабочие отказались от суда, а на все остальное, не без труда, впрочем, согласились, и теперь возобновили работу.

Впрочем, рабочие думают, что Барышев обязался вовсе не взыскивать с них задатки, и в этом, кажется, их поощрял г. начальник губернского жандармского управления, своим вмешательством в переговоры о вещах, ему неизвестных и не подлежащих его ведению, хотя он и помог уговорить рабочих возобновить работы на заводе Барышева. Но я того мнения, что нельзя давать незаконных обеща-

ний рабочим и нельзя требовать жертв со ствроны хозяев фабрик и заводов. Я предпочел бы удалить (арестом и высылкой на родину) 4 замеченных зачинщиков стачки, которые влияли на остальных рабочих. Впрочем, в общих, ни к чему необязывающих, фразах и Барышев обещал рабочим, что не будет искать денег судебным порядком". *).

Приведенный документ, кажется, достаточно красноречиво говорит о роли фабричных инспекторов,—роли, каторая по сути дела ничем не отличалась от полицеиских функций.

Только приемы были другие

Вмешательство жандармского полковника, „поощрившее рабочих", вероятно, было или следствием испуга статечной волны, которая могла перейти на другие заводы и фабрики, или же подсказано было теми же сображениями „ни к чему не обязывающих фраз", о которых так откровенно говорится в конце донесения.

Возникновение социал-демократической рабочей партии

Как и везде, неудача первых стачек не означала неудачу рабочего движения в целом. Напротив, неудачи только закаляли дух и изощряли колективный разум искать другие пути борьбы. В сознании рабочих зрела мысль о необхидимости об'единения в свою рабочую партию или вокруг нее.

Мысль эта была подсказана социал-демократической эмиграцией, в литературе которой—брошюрах, газетах и листовках—рабочие и нашли ответ на мучившие их вопросы.

Такого рода летературой была „Искра"[8] и ее издания.

Начало проникновения этой литературы сюда относится к первыми месяцами 1902 года. Первое указание на этот счет мы находим в донесении пензенского полицмейстера. Вот содержание этого документа.

„25-го марта 1902 года полицией найдено на Дворянской улице, между домами Потулова и Владыкиной, под тротуаром, сверток, в котором оказались: пять прокламаций, издания партии Социал-Демократов, два номера газеты „Искра" и „Проект Русской Конституции", изд. 1895 года, Лондон **).

Очевидно, сверток кем-то был спрятан, и притом, вероятно, в предвидении обыска.

Как раз в это время в Пензе было положено начало организации Социал-Демократической Партии, или Марксистских кружков, как называли тогда свои политические организации учащиеся средних школ, где, главным образом, прививались кружки, и рабочие-железнодорожники Сызрано-Вяземского узла.

*) Арх. фонд Пенз. Окружного Суда. Дело № 5, 1901 г.
**) Арх. фонд Пенз. губернатора. „Дела, не требующие дальнейшего исполнения". 1902 года.

В первый же год своего возникновения *эти кружки* сделали попытку вызвать рабочих 1-го мая на улицу

Так, за несколько дней до 1-го мая 1902 года,размножив на гектографе, они распространили в массовом количестве пензенские листовки под заглавием „Первое мая 1902 года". Часть листовок, обнаруженные дворниками во дворах Пешей, Дворянской и Московской, т. е. привилегированных, улиц города, где проживали дворяне, купцы и чиновники—элемент малоподходящий для демонстраций—были переданы в полицейские участки, но большинство листовок, все же, достигли назначения, т. е. попали туда, куда они и предназначались —в руки рабочих.

Воззвание-листовка заканчивается следующим призывом:

По всей России кипит волна народного гнева против преступлений правительства.

В этом году и мы должны отпраздновать 1-ое мая забастовкой и уличными демонстрациями и громко требовать 8-ми часового рабочего дня, а главное—политической свободы.

Выходите же 1-го мая грозными рядами на улицу, соберитесь вокруг красного знамени пролетариата, и пусть из груди сотен тысяч рабочего народа раздастся один грозный клич:

„Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!"

Накануне 1-го мая социал-демократы разбросали по дворам еще несколько сот размноженных на шапирографе воззваний.

А рано утром 1-го мая той же пензенской группой социал-демократов было разбросано другого рода уже литографированное воззвание в рабочих кварталах, в казармах и средних школах, указывающее на произвол самодержавия и призывающее к борьбе с последним рабочих, солдат, молодежь и крестьян. (См. приложение № 1).

Такого рода воззвания, естественно, не могли не найти отклика среди рабочих и среди молодежи, всегда живо реагировавшей на события политического и общественного характера.

Готовилась маевка.

Но местные власти приняли все меры, чтобы предупредить ее.

Еще накануне были произведены обыски и аресты среди наиболее активной части рабочих и учащихся и, между прочим, в заботах о местах заключения, начальник Пензенского Жандармского Управления, полковник Федоров, обратился к губернатору со срочным заявлением: „В виду возможности новых арестов и ограниченного количества одиночных камер в пензенской тюрьме, переместить в уездные

тюрьмы содержащихся в пензенской тюрьме политических арестантов" *).

Политические из пензенской тюрьмы были перемещены в городищенскую.

Но как-бы то ни было, не смотря на преследования, в этот год к первому мая местные *социал-демократы* сделали большую подготовку, заготовили не одну тысячу прокламаций. В первые две недели после 1-го мая не проходило дня, чтобы где-нибудь—во дворах, скверах, и на площадях—полицейские, рано утром, не находили воззваний, листовок и книг *политического содержания.*

В течение следующих месяцев особенно широко, и в большом количестве, распространялись среди рабочих женевские издания *социал-демократов 1901 г.*, которые пензенской группой социал-демократов, или Марксистскими кружками, перепечатывались всевозможными способами: на машинке, шапирографе, литографским путем и т. п.

Но, чтобы рабочее движение приняло массовый характер, для этого, в условиях Пензенской губернии, нужен был какой-то толчек, извне: своя подготовленность и инициатива были слишком слабы, вследствие, с одной стороны, организационной и культурной отсталости широких рабочих масс, а с другой—отсутствия среди них достаточно сильного профессионального или политического ядра, которое могло бы стать сердцем движения.

711554

Впрочем, о профессиональных союзах в те годы не могло быть и речи: они преследовались так-же, как и социалистические партии.

„Общество Взаимного Вспоможения Торгово - Промышленному Труду, в Пензе".

Это было единственное легальное профессиональное общество, возникшее до 1905 года, но замкнутое в крайне узкие рамки деятельности и уставом, и составом членов, в числе которых было почти столько же купцов, сколько и служащих прилавка.

Это общество, цели которого об'ясняются его названием, возникло в 1892 году. Первое собрание Общества состоялось 12-го июля того года, в зале Городской Думы, на которое явилось 143 человека.

По зачтении уже утвержденного министром внутренних дел устава общества, было приступлено к открытию действий его и назначению временной комиссии, в которую избраны: *Холмогоров, Ф. И.* (приказчик), *Ладыгин, М. А.* (приказчик), *Кузьмин, Я. В.* (помощник бухгалтера), *Михайлов, И. Ф.* (заведующий магазином *Грошева*) и *Шувалов, Г. А.* (приказчик).

*) Арх. фонд Пенз. Губернатора. „Дела, не требующие дальнейшего исполнения" 1902 года.

Пензенская Област. БИБЛИОТЕКА им. М. Ю. Лермонтова

В первые годы своего существования Общество, главным образом, было занято собиранием средств, и в этих целях использовало все возможности: ставились спектакли в Соединенном Собрании, собирались пожертвования и т. д.

Идея Общества, его устав—вспоможение, на случай болезни или увольнения со службы своих членов и защита их интересов—нашли широкий отклик и в среде служащих казенных учреждений, из которых некоторые, как, напр., служащие железных дорог, неоднократно делали было попытки вступить в это Общество, но в силу § 3 устава, предусматривавшего прием только работников частных предприятий, им было отказано.

Всем членам Общества было вменено в обязанность, чтобы каждый из них доводил до сведения правления об открывшихся или свободных местах службы для замещения их находящимися без занятий действительными членами Общества. Но последнее удавалось редко. Так, в течение первого года своего существования Об-во смогло устроить на работу только двух безработных.

Гораздо успешней обстояло дело со стороны пожертвований, самые крупные из которых: от купчихи А. Е. и врача А. А. Андреевых—3000 рублей, от купчихи М. А. Кузнецовой—1000 рублей, остальные—мелочь: от Т-ва Эмиль Циндель—100 рублей, от заводчика Акчурина—24 руб. 21 коп. и еще от других по 5 и по 3 рубля. Всего за первый год таких пожертвований от разных торговых фирм было собрано *4752 рубля.*

Хозяйская опека, в первый год давшая Обществу материальную базу, затем отпугнула некоторых работников прилавка от своей организации, и уже со второго года существования Общества из рядов его, один за другим, начался уход членов. Так, на втором году из состава Общества, насчитывавшего 140 членов, вышло 19 человек. До 1905 г. это количество членов, попеременно, то уменьшалось, то увеличивалось, в общем не превышая двухсот, да и то рост членства шел, главным образом, по линии вовлечения в Общество купцов, торговцев и их сыновей.

Эти настоящие хозяева Общества—купцы и их дети—и обрабатывали его в желательном направлении: то, смотришь, вынудили правление купить икону Симеона Столпника за 135 руб. 35 коп., то отслужить торжественное молебствие по случаю юбилея и годовщин Общества, то послать приветственную телеграмму царскому семейству по случаю тезоименитств и т. д.

Материальная помощь безработным и нуждающимся не шла дальше 5-ти или 10-тирублевых пособий с возвратом и до 10—15% скидки с товаров одним только торговым домом Базаровой на табачные и

парфюмерные изделия для членов Общества, которое на этот счет заключило с названным торг. домом особый договор.

Оставляла желать много и культурно-просветительная деятельность Общества.

Единственная статья расхода Общества в этой части — ежегодные 25-тирублевые взносы в фонд библиотеки имени Лермонтова, но и на это дело было наложено монархическое клеймо: в 1895 г. правление Общества постановило:

„Это жертвование (25-ти рублевые взносы в библиотеку) ознаменовать в память рождения ея императорского высочества великой княжны Ольги Николаевны".

В том же году в „почетные" члены Общества был принят пензенский губернатор. Естественно. такой социальный состав Общества и его явно нездоровое направление не могли привлечь в ряды союза широкие массы рабочих и служащих частных торговых фирм.

После принятия губернатора в члены Общества, из состава его сразу вышло несколько десятков приказчиков, и членов, с купцами и их сыновьями, осталось только 106 человек. *)

Таким образом, формы и содержание профессионального движения этого Общества, вследствие засилия в нем купцов и чиновников, постепенно превращались в союз эксплоататоров и оно продолжало существовать таким до последних дней своей смерти—до Октябрьской революции.

III. Стачечное движение 1905—6 г.г.

Впервые массовое рабочее движение дает высокий под'ем в 1905 году, после 9-го января.

В этом году бастовали рабочие почти всех предприятий, как частных, так и казенных, фабрик, заводов и железных дорог, пред'являя владельцам ряд требований, касающихся улучшения оплаты труда рабочих, а также и правового положения.

Но предприниматели, надеясь на силу казацких штыков и нагаек, на слабую организованность рабочих, на их непривычку к длительной борьбе, не проявляли признаков уступчивости.

Забастовка на Больше-Лукинской фабрике.

„В Луке была забастовка, ручные ткачи забастовали, просили толпой прибавки платы. Я отказал. Потребовали все расчет. Я сейчас всех расчел. Ткацкие корпуса, спальню и чайную на замки запер и об'явил, что теперь считаются все ткачи уволенными. Если кто желает вновь поступить, то пусть являются в контору и вновь записываются. В те-

*) По материалам ежегодных отчетов Об-ва за 1892—1917 г.г.

чение 3-х дней все до единого записались, и теперь усиленно работают, так-что от 130 до 150 половинок начали в день суровья подавать. Вся эта музыка дней 5 продлилась. И фабричный инспектор приезжал. Спасибо, еще не попортил, а одобрил мое распоряжение. И усиленная полиция, и исправник были—одним словом, как быть следует" *).

Письмо вполне достаточно характеризует отношение предпринимателя к рабочим.

Забастовка на Больше-Лукинской фабрике началась при следующих обстоятельствах. 17 января ткачи, бросив работу, пришли сначала к директору фабрики, а затем к главному распорядителю торгового дома, Н. С. Казееву, и пред'явили требование о прибавке им заработной платы в размере 30 копеек на половинку сукна, как из простой, так и из шленской шерсти.

Требование это Казеев признал для себя невыгодным и в прибавке отказал.

Уведомив, на всякий случай, кого надо—исправника и губернатора,—он начал расчитывать забастовавших ткачей в то время, когда сто рабочих, не присоединившихся к забастовке или уже не могших присоединиться, продолжали работать под охраной фабричных сторожей и, стянутых из Керенска и окрестных селений, полицейских и стражников.

Такого рода отсутствие единодушия сразу же понизило сопротивляемость бастовавших. К тому же, разного рода ухищрения, к которым прибегали хозяева и гражданские власти, тоже, до некоторой степени, способствовали ликвидации забастовки в самом ее начале.

На другой день, 18 января, Н. С. Казеев с нарочным отправил губернатору письмо, в котором писал:

— „Имею честь просить, ваше пр-во, не присылать фабричного инспектора, приезд которого может повлиять в дурную сторону и продлить волнение.

Об'ясняя все это вашему превосходительству для сведения, как главному начальнику губернии, и, не желая наживать себе в лице фабричной инспекции врага, надеюсь, что это мое письмо к вашему пр-ву останется между нами".

Даже и фабричной инспекции, которая, как мы видели из предыдущей главы, всегда держала руку хозяев и властей,—и в той предприниматель видел ненадежных людей, непрошенное участие которых может повлиять „в дурную сторону и продлить волнение":

*) Архив конторы Б.-Лукинской суконной фабрики. Письмо главного распорядителя торг. дома С. А. Казеева, Н. С. Казеева, к брату.

19 января в Б.-Луки приехал и керенский исправник, а с ним—отряд стражников и урядников.

В тот-же день примчался туда и земский начальник.

Так построился единый фронт фабриканта и власти против рабочих.

Рабочие не добились ничтожной прибавки в 30 копеек на половинку сукна, и 21 января, т.-е. на четвертый день забастовки, последняя прекратилась. Стачечники, за исключением немногих уволенных, возвратились к своим работам на фабрику *).

Забастовка телеграфа ст ст. Пенза I, Рузаевка и рабочих депо Рузаевка, М.-Каз. ж. д.

В 2 часа дня, 4 февраля 1905 года, забастовали телеграфисты станции Пенза М.-Каз. ж. д., в числе 7 человек, и станции Рузаевка, в числе 34 человек, предъявив управлению Московско-Казанской жел. дороги ряд требований. (См. приложение № 2).

Телеграфисты требовали двух отпусков в год, по десять дней каждый, введения трехсменных дежурств, вместо двухсменных, отмены штрафов, вежливого обращения с подчиненными, увеличения окладов на 25% и т. д.

На эти требования управление дороги дало по каждому пункту раз'яснения, смысл которых можно выразить двумя словами:

— Неприемлемо, отказать.

Забастовавшие телеграфисты настаивали на своем, но им по телеграфу было об'явлено:

„Не вступившие к исполнению своих обязанностей в нижеопределенный срок, будут считаться уволенными со службы.

Срок назначается: для Москвы—9 часов утра, 6 февраля, для Голутвина и Рязани—9 часов вечера, 6 февраля, для всей остальной линии—через 12 часов по получении сего старшими телеграфистами.

Управляющий дорогой (*Шестаков*).

Начальник службы телеграфа (*Гильбах*).

7-го февраля телеграфисты обоих станций, с вечерней смены, вновь приступили к работе, не добившись никаких уступок ни по одному из пунктов своих требований.

И в тот час, когда телеграфисты приступили к работе, забастовало рузаевское депо, в количестве 300 рабочих.

На имя начальника 2-го отделения службы тяги, инженера Батюшевича, ими подана была докладная записка, с просьбой удовлетворить следующие 6 требований:

„1) О прибавке всем мастеровым, ученикам и рабочим по 20 коп. на поденную плату.

---

*) Арх. фонд пенз. губернатора. Дело № 13 за 1905 г.

2) Об увольнении табельщика.

3) Дни, которые будут нерабочими, по случаю забастовки, вывести в табель.

4) За прогул, менее трех дней, штрафа не взыскивать, но за прогул, свыше трех дней—штраф в один день, с предупреждением об увольнении.

5) О вежливом обращении со служащими от всей администрации депо „Рузаевка".

6) Депутаты от служащих не должны быть преследуемы".

Забастовавшие заявили, что до удовлетворения этих требований они на работу не выйдут. По рукам рабочих ходило воззвание стачечного комитета (См. приложение № 3), привезенное помощником начальника раз'езда Жуловка, Моск.-Каз. ж., д., Праотцевым, арестованным жандармским ротмистром ст. Рузаевка Дроздовским, в момент раздачи печатных листков.

Стачечный комитет призывал железнодорожников твердо стоять за своих товарищей и „не просить, а требовать всем поголовной забастовкой улучшения нашего быта теперь же, пока не остыло впечатление общего русского рабочего движения".

У страха глаза велики.

Такого рода оборот дела заставил администрацию дороги и жандармерию „принять меры".

На другой же день начальником московского жандармского полицейского управления, генералом Красновым, была разослана по линии дороги следующая телеграмма:

„Вне очереди, спешно.

Пенза—генералу Лисовскому, Самара—заведывающему передвижением войск, Казань—штабу военного округа, Пенза—губернатору, Рузаевка—ротмистру Дроздовскому.

Идет буйная забастовка рабочих депо Рузаевка, в числе 300 человек, угрожая прервать движение поездов и разгромом станции.

Воинская команда в Рузаевке ждет приказания и требует высшего начальства для содействия начальнику жандармского отделения по охране служащих, желающих работать".

Забастовка деповских рабочих была одновременно об'явлена и на ст. Сасово, откуда для связи с рузаевцами приезжали 9 рабочих, из которых двое, слесаря Зайцев и Кутузов, по распоряжению Дроздовского, впоследствии были арестованы, в пути, при возвращении домой, что еще больше повысило градус забастовки рузаевского депо.

9-го февраля из Пензы экстренным поездом была отправлена в Рузаевку полурота 309-го Елецкого полка, в составе 20 рядов каза-

ков, к которым, по распоряжению ген. Лисовского, должны присоединиться и находящиеся уже на ст. Рузаевка еще 20 человек того же полка.

Выражаясь образно, власть ощетинилась.

Боязнь ли воинской силы или неуверенность в себе—заставили из этих 300 одну треть отказаться от требований, и, не дожидаясь результатов, стать к станку.

Дождавшись удобного момента—разнобой в настроениях рабочих—правление дороги пред'явило к забастовавшим контр-требование, не делая уступок ни по одному пункту:

— „Не приступившие к работам до 10-го февраля, будут уволены от службы",—коротко и властно предупреждала телеграмма правления дороги.

10 февраля забастовка была прекращена. Стачечники приступили к работе *).

Забастовка не достигла цели, но успех ее, как вылазки, разведки, несомнен: рабочие смеряли силы—свои и врага—и твердо запомнили, в чем их слабость. Уроки борьбы бесследно никогда не проходят.

Волна забастовок на Сергеевской писчебумажной фабрике, в Пензе *).

На Сергеевской фабрике рабочий день до 1905 г. равнялся 12-ти часам. Работали на две смены. В паккамерах же работали с 5-ти с половиной утра до 7-ми часов вечера, с перерывом 1½ часа на обед и полчаса на чай.

Материальные условия рабочих были тяжелые: заработок, в среднем, 12 руб. в месяц. но и это получалось не полностью: нередко штрафы достигали ⅓ и даже половины зарплаты. Грубое обращение со стороны администрации, а иногда и побои, довершали общую картину безотрадного положения рабочих. Для характеристики производственной нагрузки приведем такой пример: каждая работница в течение дня должна была отсортировать кипу бумаги, высотою один аршин 14 вершков. Такая работа, обычно, затягивалась на три дня, и в результате работница зарабатывала, вместо 30—45 к., 10—15 коп. в день. Подростки тоже работали по 12-ти часов в день и зарабатывали не более 8—10 коп.

Вследствие такого невыносимого положения, еще в 1904 году сменные рабочие подавали заявление фабричному инспектору о прибавке заработной платы, но заявление это не имело никакого успеха. Следующая попытка рабочих улучшить свое положение относится уже

*) Арх. фонд пенз. губернатора. Дело № 22 за 1905 г.

*) По материалам „Рабочее и профессиональное движение на бумажных фабриках 1750—1914 г.г.". Изд. Ц К. Союза Бумажников. 1926 г.

к 1905 году. Так, 16-го июня этого года рабочие, в количестве 100 человек, подали администрации фабрики заявление (См. прил. № 4), в котором требовали сокращения рабочего дня с 12-ти до 9-ти часов, прекращения штрафов и вычетов с рабочих, установления особого вознаграждения за работы в праздничные дни и т. д.

Аналогичное заявление было подано и фабричному инспектору, причем последний был поставлен в известность, что рабочие до тех пор не выйдут на работу, пока не будут удовлетворены их требования.

На этот раз правление фабрики пошло на уступки, предложило рабочим выбрать шесть уполномоченных из своей среды, и на совместном совещании стороны пришли к следующему соглашению: рабочий день сокращается и вопрос об оплате праздничных дней принимается в положительном смысле, хотя это соглашение и далеко было от тех требований, которые пред'являлись рабочими в заявлении.

Следом за этой, в декабре того же года, на фабрике вспыхнула новая забастовка—забастовали работницы паккамерного и других отделений. Толчком забастовки послужил один урок, который работницы с большим трудом выработали только в три дня и заработали за все это время вместо 30 коп. только по 10 коп. на день.

Руководство забастовкой принял на себя пензенский комитет Р.С.Д.Р.П., в который входила и работница фабрики Ивлева.

Тотчас же на фабрику были вызваны из города полицейские и казаки. Но не смотря на угрозы арестов, работницы продолжали стачку пред'явив требования: 1) увольнения части администрации, 2) хорошее обращение, 3) больничная помощь, 4) сокращение рабочего дня, 5) отмена уроков и 6) повышение заработной платы.

По окончании переговоров, происходивших в присутствии всех стачечниц, один из урядников предложил работницам выходить по одной с тем, чтобы арестовать кого-то из них.

Почуяв ловушку, работницы сшибли с ног урядника и бросились врассыпную.

Забастовка кончилась успехом. Требования работниц были удовлетворены, за исключением одного пункта—увольнения части администрации.

Следующая забастовка имело место в июне 1906 года—забастовка рабочей молодежи. Молодежью были пред'явлены следующие требования: а) вежливое обращение, б) повышение зарплаты и в) сокращение рабочего дня.

Молодежи долго пришлось бороться за свои скромные требования. Однажды стачечники, собравшись на берегу Суры на митинг, были арестованы, что явилось следствием того, что патрули из молодежи, выставленные для дозора, уснули и не заметили, как к митин-

гу подкрались полицейские. Арестованные были освобождены только после того, когда из рабочих была создана комиссия—Банников, Мяков, Козичкин и Кучеров, которые заявили администрации и фабричному инспектору, что если арестованные не будут освобождены, то все рабочие фабрики об'явят всеобщую забастовку.

Арестованные были освобождены, требования бастовавшей молодежи частично были удовлетворены, но это не было удовлетворением всей массы рабочих, и, поэтому, в конце июля 1906 года на фабрике вспыхивает всеобщая забастовка, вызванная, с одной стороны, тяжелыми условиями труда, а с другой—увольнением конторщика Сомонова, пользовавшегося всеобщим уважением. Сначала рабочие пред'явили только лишь требование—принять обратно Сомонова, и когда это требование не было удовлетворено, рабочие об'явили всеобщую забастовку, поставив в известность правление фабрики, что они до тех пор не встанут на работу, пока не будут удовлетворены пять их требований:

1) Принять на работу конторщика Сомонова.
2) Вежливое обращение администрации с рабочими.
3) Повышение заработной платы.
4) Уменьшение рабочего дня поденных рабочих.
5) Удаление заведывающего паккамерным отделением Луцкова.

Во избежание случайностей (например, поломки машин, в целях взвалить потом эту вину на рабочих), рабочие выставили на фабрике и у входов в нее свои караулы.

Эта забастовка проводилась так наз. инициативной группой рабочих, из которых некоторые состояли членами РСДРП.

Забастовка продолжалась шесть дней. Рабочие добились бы уступок по всем пунктам, если бы не агитация ликвидаторов, пустивших слух, что в случае забастовка продолжится долго, то фабрику закроют. Этот слух внес разнобой в среду стачечников. Администрация, воспользовавшись замешательством рабочих, сделала им незначительные уступки, и рабочие встали на работу, дождавшись предварительно, когда будет освобожден арестованный Сомонов и когда правление поставит его на ранее занимаемое им место.

В истории рабочего движения писчебумажной промышленности в Пензенской губернии это была последняя стачка.

К истории профессионального союза писчебумажников нужно добавить еще следующее: первоначально писчебумажники, в количестве 107 человек, имели нелегальный союз, который организован был в 1904 году. Этот то союз и руководил рабочим движением до половины 1907 года, когда, ввиду издания закона об обществах и союзах, рабочими решено было стать на путь легального существования.

Председателем первого правления легального союза был избран С. Т. Селифонтов, товарищем председателя Я. Козичкин, казначеем А. Голышевский и секретарем С. Мысячкин. Этот союз уцелел от разгрома до Февральской революции, но деятельность его уже ограничивалась только переговорами с администрацией фабрики по поводу тех или иных притеснений рабочих, открытием школы грамоты для взрослых, случайными выдачами пособий безработным и культурно-просветительной работой.

Более ярким проявлением этой деятельности мешала свирепствовавшая реакция, которая не раз ставила под угрозу само существование союза.

Забастовка на ф-ке «Рамиба». 21 июля 1905 г. рабочие пензенской ф-ки венской гнутой мебели т-ва „Рамиба“ также об'явили забастовку. Условия труда рабочих этой фабрики, согласно материалов старшего фабричного инспектора Пензенской губернии, рисуется в следующем виде.

Заработная плата рабочих фабрики за время с 3 июня по 24 июня 1905 года, в которые входит 17 рабочих и 4 праздничных дня, выражается в 64 коп. в рабочий и 52 коп. в астрономический день на одного рабочего, т.-е. не достигает и 16 рублей в месяц.

Но эта цифра не соответствует действительному заработку: тот же инспектор подтверждает, что в 1904 году фабрика выплатила рабочим 33.139 рублей, каждый из 365 дней в году дает по 42 коп., или 12 р. 60 к. в месяц.

О мизерности заработка для квалифицированного рабочего говорить не приходиться.

И это при 10 и 12 часовом рабочем дне!

Об остальных сторонах жизни и условиях работы на фабрике „Рамиба“ сами за себя говорят 22 требования. (См. приложение № 5).

Рабочие требовали, главным образом: для кочегаров 8-мичасовой рабочей смены, чтобы ночные и праздничные работы считались за 1½ дня, чтобы каждый мастер работал на одном станке, а не на двух, как это практиковалось, чтобы жалованье и расценок повысили на 30 %, и т. д.

На второй день фабричным инспектором была сделана попытка привести к соглашению заинтересованные стороны.

Заведывающий фабрикой Н. Л. Рабинович и член т-ва А. А. Шагаев заявили представителям рабочих, что их требования не подлежат удовлетворению, а пункты 2-й и 22-й совершенно отвергли, как неприемлемые.

23 июля рабочие пошли на уступки, ограничив свои требования лишь 10-ю пунктами, оставив из них самые приемлемые для хозяев, причем в пункте 2-м требование об увеличении жалования с 30 %

понизили до 15 %, вычеркнули пункты об отмене штрафов, отпусках родильницам, о вежливом обращении (хозяева оставляли за собой право говорить рабочим „ТЫ“ и не стесняться в обращении с ними), медицинской помощи и 8-ми часовых сменах для кочегаров.

Но и оставшиеся 10 скромных требований (напр., пункт 9-й второй редакции: „фабричный врач должен посещать на дому рабочих, одержимых тяжелыми болезнями“—хозяева не согласились удовлетворить.

Положение создалось следующее:

„Я полагаю, что нет надежды склонить представителей фабрики к уступчивости требованиям рабочих и что рабочие будут вынуждены обстоятельствами примириться с тем положением, в котором они находились до забастовки,“—писал губернатору старший фабричный инспектор А. Циммерман:

„Я имею ввиду разъяснить рабочим отказаться от требований, предъявляемых ими к фабрике „Рамиба“, во избежание материальных ущербов, на которые они бесполезно обрекли себя забастовкой“.

Так и случилось: „рабочие были вынуждены обстоятельствами примириться с тем положением, в котором они находились до забастовки“, и 27 июля приступили к работе.

Как же реагировала на эту забастовку местная власть?

А вот как:

„Стачка пока имеет мирный характер, рабочие разошлись по домам, не нарушая порядка,—тотчас же, по об'явлении стачки, телеграфировал и. д. губернатора Лонатин в министерство внутренних дел.—

Ввиду ожидаемой забастовки и на Сергеевской фабрике, с населением до 2.000 человек, а также волнений среди городских рабочих, счел нужным закрыть винную торговлю, сделал распоряжение о переводе из лагерей в городские казармы 400 солдат и назначить казачьи раз'езды по городу“.*)

Забастовка на Литвиновской фабрике.

Это единственная забастовка 1905 г., которая увенчалась частичным успехом.

Стачка началась с 24-го октября.

25-го октября губернатор был поставлен в известность телеграммой:

„Рабочие фабрики Петровых в Литвине прекратили работы, пред'явив требования.

Прибыв вчера на место, успел временно прекратить волнения. Ведем переговоры, в ожидании инспектора. Последствия предвидеть трудно.

Помощник исправника Морошкин“.

---

*) Арх. фонд пензенского губернатора. Дело № 47 за 1905 г.

Поближе познакомившись с делом, Морошкин через час протелеграфировал губернатору другое:

„Требования рабочих громадны и неосуществимы. Крайне желательно под рукой намедленно иметь военную силу через станцию Сюзюм. Инспектор разделяет мое мнение.

Владельцы об этом настойчиво просят". (См. приложение № 6).

Губернатор нашел требования рабочих „безобразием" и на другой день 27 октября оттелеграфировал Морошкину:

„Предписываю для прекращения безобразий стянуть в Литвино необходимое количество уездной стражи, привлеч к ответственности виновных и мерами полиции содействовать восстановлению работы на фабрике.

В случае принятые меры не дадут положительных результатов, немедленно телеграфируйте.

Губернатор Хвостов."

Что же, в действительности, было в эти дни на литвинских фабриках?

По отчетному донесению старшего фабричного инспектора, было вот что. В понедельник, 24-го октября, ткачи 1-ой суконной фабрики, ближайшей к фабричной конторе, за час перед окончанием работ, забастовали, пред'явив хозяевам ряд требований относительно увеличения оплаты труда.

25-го октября к забастовке примкнули рабочие и второй фабрики, управляемой одной и той же администрацией.

Об'явленная 24-го забастовка продолжалась до полудня 28-го октября.

В полдень этого дня рабочие обоих фабрик приступили к работе на условии повышения заработной платы ткачам за выделку сукна: солдатского за 1 кусок—с 1 р. 80 к. до 2 рублей, трико за 1 кусок в 1 челнок—с 2 р. до 2 р. 20 к., трико за 1 кусок в 2 челнока—с 2 р. 55 коп. до 2 руб. 75 коп.

Кроме того, хозяевами дано обещание всем рабочим отпускать дрова по заготовочной цене.

Но без репрессий дело не обошлось.

Полиция пожинала лавры „успокоения", тут же, вслед за окончанием забастовки, приступив к арестам „виновной в беспорядках молодежи".

Но с ликвидацией этой забастовки, желаемого для фабрикантов и полиции спокойствия не наступало; удовлетворение, и то не полное, получили одни только ткачи, рядовая же рабочая масса в забастовке ничего не выиграла.

Рабочие кого-то ждали, чтобы снова, и на этот раз уже более организованно, выступить в защиту своих прав.

Так, в рапорте от 6-го ноября земского начальника 2-го участка губернатору на этот счет мы находим такие указания:

— „Мною получены сведения, что забастовка и буйство в селе Литвине, Бертеневской волости, окончились, сравнительно, благополучно только потому, что ожидавшиеся вожаки-бунтовщики ко времю забастовки почему-то не прибыли. Бунтовщиков ожидают теперь на этих днях, около 8 ноября.

И ожидаются они из села Сюзюм, Саратовской губернии, для того, чтобы взбунтовать крестьян села Литвина и разгромить фабрикантов Петровых.

В видах предотвращения ожидаемого погрома и образования шайки громил, я, за отсутствием станового пристава и исправника, командировал двух урядников и пять стражников Бертеневской и Шугуровской волостей на границу участка со стороны Сюзюма, с приказанием выследить и задержать ожидаемых бунтовщиков. В помощь полиции прошу фабрикантов Петровых отрядить несколько человек от себя“).

Как видим, в Литвине готовилась повторная стачка, но принятыми мерами полиции и владельцев фабрики, она была предотвращена, путем недопущения в Литвино руководителей стачки.

Всеобщая железно-дорожная забастовка.

В Пензенской губернии ж.-д. забастовка началась с 9-го октября.

С 2 часов дня, 9-го октября, прекратилось движение пассажирских и товарных поездов на линии Разано-Уральской железной дороги.

Рабочие и служащие об'явили забастовку.

В 10 часов дня того же числа забастовали рабочие и служащие Московско-Казанской железной дороги, препятствуя прохождению поездов еще с раннего утра, но это последнее осуществить им не удавалось, вследствие противодействия казаков и жандармерии.

Дни всеобщей ж.-д. забастовки сопровождались митингами рабочих и служащих железнодорожников.

Один из таких митингов, 19 октября, происходивший у Сызрано-Вяземского вокзала, был разогнан казаками. 50 человек участников митинга в результате разгона получили „повреждения“. Были раненые *).

---

*) Арх. фонд пенз. губернатора. Дело № 67 за 1905 г.

*) Виктор Обнинский. «Полгода Русской революции». Москва. 1906 г.

Две забастовки рабочих и служащих Сызрано-Вяземской жел. дороги.

По воспоминаниям участника этих забастовок, тов. Н. Учускина, они проходили так.—Всеобщая забастовка,—рассказывает тов. Н. Учускин,—на Сызрано-Вяземской ж. д. началась 10-го октября.

— 9-го октяря 1905-го года, когда мы, телеграфисты, пришли на дежурство нас предупредели сдающие товаращи:

— Ждите уведомления из центра и из управления о начале забастовки. Мы стали дожидаться этого момента. Работа шла вяло: чувствовалось, что в центре что-то происходит, надвигается волна рабочего движения и на Пензу. Работа шла с перебоями, мы, с минуты на минуту, ждали условленного сигнала, но так его и не дождались. Этот сигнал пришел в ночь на 10-е октября; и когда мы пришли на утро сменять своих товарищей, то они нам сказали, что управление начало забастовку. Ввиду этого, мы не стали принимать дежурства и ушли из телеграфа, остались только двое, на случай приема депеш от стачечного комитета или с линии от забастовавших товарищей. Когда мы вышли на платформу, к нам присоединились другие товарищи, и мы тут же стали решать вопрос:

— Что же дальше? Что делать?

Этот вопрос тем более ставил нас в затруднительное положение, что остальная масса рабочих и служащих узла, кроме нас, телеграфистов, еще ничего не знают о нашей забастовке и продолжают свое дело. Тогда мы решили итти к рабочим; направились в депо. Первый разговор мы имели в машинном цехе. Когда мы сообщили рабочим, что телеграф забастовал, рабочие приняли нас с такой радостью, с таким энтузиазмом, который бывает только при сильных общественных подъемах. Машинный цех единогласно заявил:

— Мы все, как один, поддержим вас. Мы готовы начать забастовку, но чтобы бросить работу, нужен сигнал из мастерских, гудок.

Тогда мы пошли к машинистам паровозных бригад. Те охотно согласились: „Поддержим!“. После этого мы возвратились на станцию с радостным сознанием, что мы не одни, что настроение основной рабочей массы тоже за забастовку. Навстречу нам шли жандармы, как после выяснилось, чтобы арестовать нас, но узнав, что о начале забастовки осведомлены все рабочие, жандармы не посмели нас задержать. Это было часов в 11 утра. У входа в вокзал нам повстречалась другая группа забастовавших телеграфистов. Узнав от нас, что мы известили о забастовке только машинный цех и паровозные бригады, товарищи остались недовольны:

— Надо известить всех рабочих!—сказали они.

Тогда мы пошли к рабочим мастерских, но как проникнуть во

двор?—вопрос, который нам казался неразрешимым, потому что ворота в мастерские запирались и привратнику категорически ставилось в обязанность не пропускать никого из посторонних. Решаем идти к выходной калитке и ждать рабочих, когда они пойдут на обед. Обеденного гудка ждать пришлось не долго. Из калитки густым потоком выходили рабочие. Мы сообщили им про забастовку и про то, что депо и паровозные бригады тоже за забастовку. Рабочие мастерских ответили: „Поддерживаем!“, оставалось только дать сигнал. Один из машинистов приготовился сигнализировать, как только рабочие соберутся после обеда. Все это время обеденного перерыва мы с трепетом ждали условного сигнала, боясь, как бы до этого момента не попасть в руки полиции, наводнившей станцию. Наконец, обеденная пора кончилась, рабочие стали на работу, но гудка все нет и нет. Нами начало овладевать беспокойство, как, вдруг, раздается короткий гудок, а за ним протяжный тревожный.

В момент депо и мастерские опустели: рабочие, побросав работу, вышли к станции. Радость наша была неописуема: мы были не одни!

Забастовка началась. В группах рабочих шли непринужденные разговоры о войне, о царском произволе, о текущих событиях, критиковалась деятельность властей и т. д. Станционный уголок казался особым миром в царстве произвола, свободным от жандармерии и прочих прелестей самодержавия. Вечером этого же числа, на верху вокзала, состоялось первое общее собрание стачечников. На этом собрании, от лица их всех, выбрали трех представителей: технического агента Зубцова, машиниста паровозных бригад Степанова и телеграфиста Морозова, которым и было поручено руководить забастовкой. Говоря проще, это был наш забастовочный комитет.

Общее собрание постановило считать забастовку начатой с 10-го октября; постановлено было не пропускать никаких поездов, стоявший же поезд № 5, готовый к отправке, задержать, паровоз направить в депо, что и было сделано.

На второй день—опять общее собрание, на этот раз в депо вагонного сарая, где происходили и все последующие собрания во время забастовки. На втором собрании было принято требование забастовавших к администрации дороги. Требования состояли из 12 пунктов, касающихся, главным образом, улучшения экономического положения рабочих. В последнем пункте 12 говорилось: „Без принятия первых трех пунктов—1) освободить из под ареста в Петербурге наших делегатов с'езда и дать им возможность продолжать начатую работу, 2) заплатить за все время забастовки, 3) не подвергать суду и административному взысканию забастовщиков,—рабочие будут продолжать забастовку“.

После второго собрания, 11-го октября, железнодорожники прошли по городу с манифестацией, захватившей все рабочее население и учащихся Пензы. Было много выступлений, как местных политических деятелей разных партий, так и приезжих из Москвы и Петербурга. По тому времени все это переживалось жутко: иногда бывали собрания и манифестации, оцеплявшиеся казаками и полицейскими, и создавалась паника. При манифестациях было и так: идут манифестанты, запрудив Московскую улицу, поднимаются к центру города, поют революционные песни, а сверху Московской навстречу им во весь опор мчаться казаки и драгуны с шашками наголо, с пиками наперевес и с ружиями за плечами. Грозные и жуткие минуты! Избиение кажется неминуемым, но манифестанты делают проезд на одной стороне улицы, по другой спокойно продолжают двигаться вперед, и казаки с драгунами проскакивают мимо. В такие моменты малейшая провокация—и расправа неизбежна.

Нужно было видеть, как дико и злобно смотрели на манифестантов полицейские, мимо которых мы проходили. Чувствовалось напряженность атмосферы, которая должна была разрядиться чем-то.

В этот момент, 17-го октября, царем обнародывается манифест о свободах союзов, собраний и т. д. Но манифест запоздал: эти свободы мы ввели уже явочным порядком.

Тем не менее, по случаю „узаконения" свобод, в городе, по получении манифеста, в Зимнем театре состоялось грандиозное собрание. Так как все желающие присутствовать на нем не могли проникнуть в театр, то вокруг него на площади образовались большие толпы народа. И вот, в этот момент власть, получив сигнал от своего центра, пускает в ход нагайки, разгоняя собравшихся. На другой день, 18-го октября собрание происходило на площади, близь вокзала, и это собрание тоже было разогнано казаками. Но самым памятным, по своим печальным последствиям, было 19-е октября. В этот день мы, стачечники, получив извещение от управления дороги, что наши требования им приняты, устроили общее собрание. После нескольких докладов и речей, президиумом собрания был об'явлен перерыв на час, для обеда, после чего было назначено продолжение собрания. В этот перерыв и разыгрались потрясающие события. На мою долю выпало быть очевидцем этих событий и даже пострадавшим. Дело было так: выйдя из собрания, мы увидели манифестацию, шедшую мимо железно-дорожных мастерских. Мы влились в ряды манифестантов, главным образом, учащихся средних школ, и когда проходили по полотну железной дороги, патрули из казаков и драгун делали нам угрозы штыками и револьверами, как бы беря на прицел. Но манифестанты, не обращая внимания на густо расставленные патрули, продолжали путь

к вокзалу. Тут, откуда не возьмись, перед манифестантами появился жандармский полковник Вальден, который стал уговаривать идущих разойтись. Ему отвечали, что ничего особенного не делают и что манифестация только пройдет станцию. Вальден в исступлении, с пеною у рта, орал; „Разойдитесь! Сколько я живу на свете, отродясь такого беспорядка не видывал!“.

На все уговоры шедших не беспокоиться, он повторял одно и тоже: „Разойдитесь!“ Но манифестанты, не обращая на него внимания, двинулись вперед. И вдруг из засады на них, прямо на передние ряды, стремительно бросились вооруженные солдаты, с ружьями на перевес. Началось избиение манифестантов. Солдаты почему-то были особенно злы и избивали безоружных рабочих и учащихся с каким-то сладострастным остервенением. При первом же натиске солдат толпа манифестантов дрогнула и бросилась назад. Началась паника, но бежать было некуда: с одной стороны—здание мастерских, с другой—вагоны, и вот в этом переулке и произошла кровавая бойня. Первые ряды были сразу уложены прикладами. Сшибленных с ног солдаты кололи штыками. Образовались кучи стонущих, охающих и охрипло-плачущих манифестантов. Солдаты сразу всей партией пройти не могли и бежали гуськом, друг за дружкой, мимо этой кучи, и каждый из них, с страшно-выпученными глазами, с остервенением бил по этой куче, кто прикладом, кто штыком. Кругом слышались душу-раздирающие стоны. Я тоже лежал в куче сбитых с ног и слышал, как один лежавший около меня раненый поднял голову и сказал солдатам: „Звери, что вы делаете?“ Но не успел он сказать последних слов своего вопроса, как замолк, оглушенный ударом по голове. Слышно было, как по голове его хрустнуло, словно кто прошелся по снегу.

Когда все солдаты пробежали и манифестация рассеялась, подошел этот жандармский полковник и стал уговаривать, чтобы вставали, кто мог. Я поднялся и взглянул на того, который получил удар по голове, у него голова была разбита и он лежал вниз лицом, уткнувшись в баласт. Пострадавших было много: кто получил удары прикладами, кто штыковые ранения, а иные разбивались на смерть, бросаясь с моста полотна под под'езд. Так, дочь одного врача, подросток, бежала по высокой насыпи. Догнавший ее солдат ударил прикладом; девочка покатилась по откосу и расшиблась о камни.

Как выяснилось потом, вся окрестность станции была окружена войсками, и те, кому удавалось убегать от прикладов и штыков солдат, встречались казаками и драгунами.

Несмотря на то, что наши требования управлением были приня-

ты, мы продолжали бастовать уже в знак протеста, и бастовали еще два дня. К работе приступили 21-го октября.

Следующая забастовка Пензенского узла Сызрано-Вяземской дороги была в декабре того же года. Эта забастовка вспыхнула по следующему поводу. Мы получили сведения, что наш стачечный комитет посажен в тюрьму. Как раз в это время возвращались воинские эшелоны с войны, из Маньчжурии. Ввиду забастовки, эти эшелоны заняли все пути. Мы об'яснили солдатам, что в задержке виновата жандармская власть, которая арестовала наших товарищей.

— Помогите нам освободить их, и тогда вы будете отправлены без задержки, даже больше—мы вас повезем так, что вы нагоните все пропущенное время,—сказали солдатам сызрано-вяземцы.

Солдаты встали на нашу сторону и согласились нам помочь. В это время у вокзала был выстроен в боевом порядке взвод казаков и драгун во главе с полицеймейстером. Казаки и драгуны, переговариваясь с эшелонными солдатами, науськивали их на забастовавших, уверяя, что никаких арестованных нет. Подходить же самим рабочим и служащим к солдатам казаки и драгуны воспрещали. Но, не смотря на это, рабочие подходили и на глазах у стражи доказывали, что казаки и драгуны врут. Тогда полицеймейстер скомандовал своему взводу взять ружья на изготовку. Солдаты,—видя это, пришли в ярость и со своей стороны стали звать на помощь и кричать товарищам в вагоны: „Давай сюда ружья и пулеметы!"

Нужно заметить, что в эшелонах было много саперов, которые везли с собою бомбы и пулеметы. Казаки и драгуны, во главе с полицеймейстером, бросились на утек. После этого возбужденные солдаты, убедившись, что их обманывают и натравливают на рабочих, стали требовать вести их к тому лицу, кто арестовал представителей рабочих. Как раз в это время откуда-то вышел на платформу жандармский полковник. Солдаты—к нему, начали с ним вести разговор и требовать от него освобождения арестованных и не задерживать эшелоны. Полковник начал повторять солдатам те же речи, что и убежавшие во главе с полицеймейстером, т. е. никаких арестованных нет и что, де, вас рабочие обманывают. Мы же, слышав все это, окружили полковника и, в присутствии солдат, стали уличать его во лжи. Полковник растерялся. Тогда солдаты хватают его, срывают с него погоны и шашку и, наверное, избили бы или убили его, но полковника выручили жандармы, бросившиеся в самое кольцо круга с обнаженными шашками. Солдаты пришли в ярость, бросились на жандармов и начали их избивать. Воспользовавшись случаем, что про него забыли, полковник убежал в станцию. Оттуда он телефонировал гу-

бернатору, что на станции рабочие и служащие сильно возбуждены и требуют освобождения арестованных. На это губернагор ответил:

— В таком случае я вышлю взвод казаков!

Но полковник, сказав, что этим делу не поможешь, заявил, что он слагает с себя всякую ответственность.

Возбужденная масса рабочих и служащих шумным потоком устремилась к тюрьме на выручку арестованных. Освобожденных чуть не на руках принесли на станцию. Тут было сказано несколько речей и была выражена благодарность солдатам эшелонов. После этого солдаты отправились. Отправление было вечером, около 7-ми часов, а спустя шесть часов, в час ночи, Моршанск кричал по аппарату: „Ура! Пензяки-молодцы! К нам прибыл эшелон, рассказал все, что было у вас и благодарит пензяков за то, что быстро домчали до Моршанска“.

Эта забастовка продолжалась три дня—9, 10 и 11 декабря.

После на станции был усилен надзор. В телеграф, например, был поставлен казак с нагайкой и шашкой, вооруженный с ног до головы, и, тоже во всеоружии, солдат. Жандарм поминутно забегал в телеграф и дико осматривал, все ли в порядке. Собираться двоим или троим не допускали, и как только подходил один телеграфист к другому зачем-либо—закурить или спросить о чем-нибудь, сейчас же подходил казак и свирепо командовал: „Разойдись!“.

Когда прошла полоса забастовочного движения и реакция почувствовала силу, то в первую очередь повела борьбу с руководителями движения. Сам начальник дороги приезжал в Пензу и, как победитель, грозно кричал на рабочих: „Я разгоню всех забастовщиков и им Пензы не видать, как своих ушей!“.

И действительно, на руководителей забастовки обрушились гонения: их разогнали по всем станциям дороги от Сызрани до Вязьмы. Эту ссылку многим пришлось пережить с 1906 до 1914 года, когда не стало этого начальника дороги (Якубовского) и когда обстоятельства, в связи с войной, несколько изменились. Четверо рабочих были совсем уволены со службы.

После декабрьских событий, когда Московское восстание было подавлено, началась самая злейшая реакция. По железным дорогам рыскали карательные экспедиции. Через Пензу прошел карательный поезд Меллер-Закомельского, который по прибытии на станцию, оцепил вокзал и очистил его от всех людей. От этого поезда пахло кровью и веяло жутью.

Поезд стоял на станции всего лишь несколько минут, но и это кратковременное пребывание палачей не обошлось без жертв.

Я был очевидцем такого случая.

Во время остановки поезда по платформе шли два солдата, взявши под руки один другого. Солдаты эти возвращались с войны домой. И вот на платформе их встречает офицер из карательного отряда. Придя в ярость, что солдаты не отдают ему честь, офицер закричал: „Это что за скоты! Вы почему, мерзавцы, не отдаете честь“? Солдаты спокойно ответили: „Много мы вас таких видали“!

Офицер выхватывает револьвер и с руганью: „Ах вы, сукины сыны!“—стреляет в одного, в другого. Солдаты падают замертво.

Отряд навел на население станции—рабочих и служащих—ужасающую панику.

С этого времени рабочее движение пошло на убыль.

В заключение, к воспоминаниям тов. Учускина остается еще добавить, что освобождение арестованных состоялось с согласия железно-дорожного начальства, которое, не имея воинской силы, чтобы подавить забастовку, боялось, как бы последняя не увлекла за собой всю Сызрано-Вяземскую дорогу.

Об этом говорят документы.

„Повторяю ходатайство об освобождении арестованных, дабы предупредить забастовку всей дороги“ *),—бомбардировал губернатора телеграммами начальник дороги Якубовский.

Только поэтому начальник дороги просил освободить арестованных!

Но губернатор, если и уступил, то далеко не по мотивам Якубовского, что видно из шифрованной телеграммы от 11-го декабря:

„Саратов,

генерал-адьютанту Максимовичу.

Положение в Пензе печальное. Войск нет. Приходящие войска ведут себя бурно. Третьего дня арестовано трое агитаторов-служащих, убеждавших приступить к забастовке на дороге. Толпа служащих, вместе с проезжавшими солдатами, дерзко требовала полковника Вальдена и немедленного освобождения арестованных. Была опасность для жизни полковника. Двинуты были немедленно все имеющиеся у нас силы для водворения порядка.

Прибытие их привело к порядку на станции. Сегодня с утра настроение стало тревожное. Железнодорожные служащие не отпускали проходящих с Дальнего Востока саперов, уговаривая их предъявить требование об освобождении агентов. Остановка саперов произвела скопление следующих за ними запасных матросов.

Ожидалось нападение на тюрьму. Был приход толпы с требованием в дом губернатора. Инцидент разрешился прибытием депутации всех служащих Сызранской дороги, просившей отпуска задержанных,

*) Арх. фонд пенз. губернатора. Дело № 104 за 1905 г.

с ручательством за полный порядок и возобновление правильного движения.

Полное отсутствие войска заставило уступить просьбе депутации.

Оканчивая сообщение, убедительно прошу немедленного возвращения казаков и присылки пехоты для ограждения порядка на станциях. Губернатор Хвостов" *)

Все вышеописанное произошло как раз на 3-й и 4-й день по от'езде генерала Максимовича из Пензы в Саратов.

В Лашме, на винокуренном заводе.

Стачечная волна, волна забастовок и протестов, не могла не отразиться и на деревне, где движение принимало уже несколько иные формы, чем это видели мы на забастовках фабрик и железных дорог. В забастовках рабочих, непосредственно связанных с деревней, крестьянством, особенно подчеркивается прием последнего—разгромить помещика или предприятие.

Так было и в Лашме, на заводе генерала Арапова.

Под влиянием ежедневно получающихся известий из Москвы о начавшихся там массовых забастовках, настроение среди рабочих лашминского завода (Лашма—большое село заводского типа, расположенное невдалеке от станции Ковылкино (быв. Арапово) с первых чисел декабря заметно стало складываться в сторону забастовки, и вообще среди рабочих стало наблюдаться общее стремление—как ни-как откликнуться на происходящее в России.

Кроме одного из крупнейших в Пензенской губернии винокуренных заводов, в Лашме—вальцевая мельница, с большой производительностью, делавшая поставки в казну, на армию.

Видимо, это последнее обстоятельство и послужило к тому, что в момент разыгравшихся событий в жизни этого заводского села рабочие тут же начали приводить в негодность мельницу и раздавать муку в массовом количестве понаехавшим из окрестных ссл крестьянам.

Все произошло вдруг, как бы неожиданно.

Вечером, 2-го декабря, кто-то поджег заводскую контору.

Вскоре запылал соседний дом служащих и в это же время показалось зарево на хуторе, отстоящем в 6 верстах от завода (после этого оказалось: горело 7.500 пудов соломы). Рабочими приводилась в негодность вальцевая мельница.

В черту расположения завода и мельницы тут же набежали и понаехали крестьяне.

Начался разгром конторы и квартиры управляющего.

---

*) Архивный фонд пензенского губернатора. Дело № 104 за 1905 г.

Находившийся в конторе несгораемый сундук в течение нескольких минут был разбит и из него было взято до 30.000 рублей денег.

Получив известие о происходящем в Лашме, пристав 2-го стана Гаврилов с двумя урядниками и двумя стражниками тут же прискакали на место, одновременно послав стражника в с. Шагаево, за казаками.

Полиция была встречена рабочими, вооруженных дубинами, молотками и вилами.

С криками: Убить!—рабочие бросились на полицию.

Полицейские начали отступать.

Полиция ждала казаков, и они вскоре, около 8 часов вечера, не замедлили явиться.

Было темно.

Вокруг мельницы мелькали очертания подвод и фигуры крестьян, нагружавших на воза муку в мешках.

Полиция и казаки бросились на крестьян, с целью задержать их.

Но в это время из завода и солодовни опять вышли вооруженные рабочие. Часть их бросились на пристава и полицию, другие—на казаков.

Кто-то одному казаку рассек губу, урядник получил два удара палкою в спину.

Другой казак, увлекшийся погоней за одним крестьянином, был отрезан рабочими от своей части и ускакал в поле.

Рабочие замыкали в кругу других казаков и полицию.

Казаки дали выстрел залпом и, продолжая беспрерывно стрелять, отступали, оставив на месте столкновения пристава и стражников, уже обойденных с трех сторон вооруженными рабочими. Полицейским также был отрезан путь отступления к их оседланным лошадям.

Пристав дал выстрел и вместе со стражниками прорвался из кольца; полицейские забежали за постройки, а оттуда—в поле.

Их преследовали рабочие.

Были-ли в это время какие потери со стороны последних и вообще, чем кончилось это преследование—никаких данных об этом в официальном деле нет, зато, очень много говорится о том, что было после:

„В 12 часов ночи была смена рабочих винокуренного завода. Выходивших из завода рабочих мы осматривали, опрашивали и внушавших подозрение записывали. После этого до утра происшествий не было. Утром 13-го декабря управляющий Васин сообщил, что у завода толпа до 300 человек угрожает новым погромом. По прибытии нашем на место, слух не подтвердился, но ввиду возраставшего тревожного настроения, угроз и крайне тревожных слухов со ст. „Арапово“ о положении в Москве, чувствовался недостаток сил на терри-

тории, подвергнутой событиями, и от выделения охраны зданий, экономии, почтово-телеграфной конторы, арестованных и других надобностей. В 5-ом часу дня, при сильном ветре, загорелся дом, стоявший рядом с горевшим накануне. Этот пожар послужил уже поводом к закрытию нами завода. Не успел кончится этот пожар, как загорелся на линии железной дороги дом начальника станции. Последний пожар сильно угрожал станции, но при помощи паровозов она спасена".

Это из рапорта губернатору прибывших в Лашму с 15 солдатами и 6 казаками земского начальника и наровчатского исправника. О событии в Лашме стало известно в министерстве внутренних дел.

Директор департамента полиции, давая указания пензенскому губернатору относительно следствия, приказал:

— „Действуйте без всякого послабления".

И действительно, власти действовали без всяких послаблений.

Арестовано было 50 рабочих, получившие разные сроки тюремного заключения и каторги *).

Таковы в общих чертах выступления рабочих в 1905 году.

Первое и последнее из этих выступлений весьма знаменательны —первое началось мирным пред'явлением скромных требований экономического характера, и оно не увенчалось никаким успехом; последнее началось и закончилось разгромом предприятий и учреждений завода, и оно являлось как бы предупреждением буржуазии, что, при неуступчивости, имущий класс может потерять все.

От эпохи реакции к Февральской революции.

В 1906 году, как только был издан закон 4-го марта 1906 г. об обществах и союзах, начинается стихийное возникновение профессиональных обществ, а равно обществ и кружков, преследующих организационно-культурные цели пролетариата.

Это движение захватило буквально всех рабочих и многие профессии умственного труда.

Но нужно оговориться, что эти общества зачастую также скоро закрывались, как быстро и возникали.

Издав закон об обществах и союзах, давая возможность их организации, правительство озаботилось и подведением мин под профессиональное движение.

Малейшее уклонение от устава в сторону расширения прав союзов немедленно влекло за собой закрытие обществ.

Вот показательный пример:

18-го ноября 1906 года открылось „Пензенское профессиональное общество рабочих хлебопекарного цеха".

---

*) Архив пенз. губернатора. Дело за 1905 г. „О беспорядках в Наровчатском уезде".

В том же месяце общество приступило к своей деятельности, но, просуществовав три месяца, в марте 1907 года оно уже было закрыто жандармским управлением.

В 1908 г. рабочие этого цеха сделали было попытку снова организовать свое общество, под названием „Профессиональное общество булочников г. Пензы".

Подали в Присутствие об обществах и союзах заявление и устав на регистрацию.

Губернское Присутствие запросило полицию и жандармское управление о политической благонадежности учредителей: А. А. Бабичева, А. С. Ксенофонтова и К. А. Андреева.

Жандармский полковник ответил, что вышеозначенные лица, „как видно из сообщения чинов Пензенской полиции, проживая в г. Пензе, ведут знакомство с лицами недоброжелательного поведения, каковым и сами отличаются".

Губернское Присутствие отказало в регистрации, мотивируя отказ так:

„Имея в виду, что допущенные в уставе профессионального общества булочников в г. Пензе неточности могут послужить к нежелательным толкованиям устава, заявление отклонить" *).

Между прочим, первоначально не был утвержден в апреле 1907 г. и устав профессионального общества работников печатного дела в Пензенской губернии.

„Присутствие не могло не обратить внимание,—читаем в журнале заседания,—на п. Е. § 2 устава, в котором установлены главные правила по выдаче денежных пособий, и где, между прочим, сказано что пособие предполагается выдавать во время стачек".

Этого было достаточно, чтобы вынести решение об отказе.

Не было разрешено обществу сделать и добавление к § 33, что „если из членов общества не окажется подходящего лица на должность секретаря, то таковую должность может замещать и не член"**)

Вероятно вследствие этого—не оказалось подходящего секретаря—общество, когда оно и было разрешено через полгода, по представлении значительно исправленного устава, работало слабо, кое-как дотянуло до 1911 г. и в феврале этого года было закрыто постановлением губернского Присутствия по делам об обществах и союзах***).

В дальнейшем, в жизни печатников, как важный момент, надо отметить организацию социал-демократического кружка, что относится уже к кануну Февральской революции.

---

*) Арх. фонд. „пенз. губ. об обществах и союзах Присутств." Дело № 3, 1908 г.
**) Там же. Дело № 5, 1906—1908 г. г.
**) Там же. Дело № 5, 1907—1908 г. г.

Дело было так. В конце 1916 года в Пензенскую губернию был выслан в административном порядке петроградский рабочий-печатник Н. А. Иванов, который, по приезде в Пензу, поступил в типографию Раппопорта.

Тов. Воронов, А. Н., об этом моменте дает следующие воспоминания:

„Познакомившись с рабочими, Иванов сорганизовал социал-демократический кружок, собрания которого происходили в Аминевке, в доме печатника Куранова.

В кружок сразу же вошло 12 человек. Потом значительно пополнилось это количество.

Собирались часто.

Среди рабочих к занятиям кружка, чем дальше, тем больше, возрастал интерес.

Чувствовалась напряженность политической атмосферы, и каждый член рвался, как можно скорее разобраться в причинах войны, ее последствиях и определить свое место в предстоящей борьбе.

Все ждали революции".

Тем не менее, не смотря на такие настроения печатников, профессиональный союз так и не возобновился до 1917 г.

Было еще одно такое общество, которое закрылось вследствие инертности членов союза.

Таково профессиональное общество портных и портних г. Пензы, открытое 8-го июля 1908 года.

Первый год общество кое-как работало, но на втором году обнаружило все признаки захирения, и уже в декабре 1909 г. правление само обратилось к губернатору с уведомлением:

„Имеем честь довести до Вашего сведения, что профессиональное общество наше с 26 августа не производит никаких занятий. Поэтому правление решило назначить общее собрание для обсуждения вопроса о закрытии общества".

Власть вообще относилась „сочувственно", когда тот или иной союз замирал, и 12 января 1910 г. общество портных было об'явлено закрытым.

Союз, как мы уже отметили выше, сгубила инертность его членов. Не говоря уже о непосещении собраний и проч., к закрытию вели и кассовые дела общества: при 40 членах годовой доход его за 1909 г. (членские взносы, вступительные и отчисления общественной мастерской) равнялся 57 рублям, а расход 88 р. 57 к. *).

Но таких инертных союзов было мало,—одиндва, не более. Большинство союзов, все же, проявляли тот или иной род деятельности.

*) Арх. пенз. губерн. об обществах и союзах Присутствия. Дело № 4, 1909 г.

Нередко официальные мотивы отказов к регистрации обществ были до смешного ничтожны.

Например: профессиональное общество рабочих спичечной фабрики Файдыш в г. Пензе не было разрешено только потому, что в уставе его не было оговорено, каких лет, или возраста, члены союза могут избираться в правление.

В действительности же мотивы отказа были иные—союз был тесно связан с социал-демократической организацией и Присутствие об обществах и союзах на этот счет было поставлено в известность жандармерией.

Тов. Гладков, К. И., о попытке организовать рабочими названной фабрики профсоюз дает такие воспоминания:

„В начале февраля 1906 года я был уволен с Сызрано-Вяземской дороги за участие в забастовке и в том же году поступил работать на спичечную фабрику Файдыш („Искра“).

При помощи социал-демократической организации мы попытались организоваться в союз.

Устав союза разрабатывали Е. Архангельская и ее брат, Владимир.

Было избрано правление: Гладков, К. И., Аминев и Иванов.

В то время (май—июнь 1906 г.) на фабрике у нас уже была своя библиотека из нелегальной литературы, которую мы получали через социал-демократический комитет и свой социал-демократический кружок.

На мебельной же фабрике „Рамиба“ в партийном отношении сильнее было эсэровское влияние. Рабочие этой фабрики входили в кружки эсэров.

Мы устраивали совместные собрания, сходки и между нами, рабочими спичечной и мебельной фабрик, происходили жаркие споры на темы о тактике рабочего движения и проч.

И здесь нужно заметить, что эсеровское влияние среди рабочих чем дальше от 1905 года, тем становилось меньше; как и на Сызранке, оно вытеснялось социал-демократией.

В 1906 году, не могу точно сказать, сколько, но социал-демократических кружков по городу было уже довольно порядочно.

И так, мы сделали попытку организовать на фабрике профсоюз при чем имелось в виду привлечь в этот союз рабочих всех спичечных фабрик губернии. Подали устав на регистрацию в губернское об обществах и союзах Присутствие, и вдруг через две недели нас, учредителей, вызывают в 1-ую полицейскую часть, где мы и выслушали от полицейского чиновника предупреждение:

— Вы вот что,—сказал чиновник,—оставьте эти союзы организовывать, иначе мы вас укатаем, куда Макар телят не гонял. Поняли?

Вопрос для нас был слишком ясен, но, тем не, менее, союз свой мы не распустили, а продолжали его работу нелегально.

— В 1908 году на фабрике, от неизвестной причины, возник пожар в машинном отделении, где как раз в шкафу с инструментами хранилась наша нелегальная литература. Приехали пожарные, сбежался народ.

Первой мыслью нашей было:

— Как скрыть от взоров посторонних нелегальную библиотеку, как ее спасти?

Но спасать было уже поздно, так как у дверей машинного отделения стояли городовые тоже прибежавшие на пожар.

Тогда я и Матвей Нефедьев, который и сейчас работает на „Искре", вбежали в машинное отделение и всю литературу, которую вот—вот могли обнаружить при спасении инвентаря, побросали в топку котла.

С этого момента союзная и партийная работа стала слабее, а потом и совсем прекратилась, потому что стал усиливаться полицейский нажим на рабочих, часть активных товарищей уехали в другие города и прежнюю деятельность наладить было уже трудно"

Не был разрешен и устав профессионального общества рабочих по металлу в г. Пензе.

В числе учредителей союза были рабочие металлисты: И. Н. Кочетов, В. А. Сысуев—Колпаков и А. М. Стрельцов.

Об одном из них, Кочетове, сведения были даны неодобрительные, а именно: „В 1906 г.—говориться в отзыве Жандармского Управления,—будучи токарем Красноярских железно-дорожных мастерских, Кочетов вместе с другими лицами был арестован за подстрекательство к забастовке".

Резолюция: „В регистрации отказать." *)

Союз возник только в 1914 году, но и то не сразу.

По воспоминаниям Г. В. Портнова, история возникновения этого союза и его деятельность таковы:

„В 1914 году рабочие-металлисты г. Пензы решили об'единиться в Союз, для чего, первоначально, из своей среды на собрании в Приказчичьем клубе избрали учредителей: Кочетова, Сысуева и Стрельцова.

Учредители разработали устав и возбудили перед губернским Присутствием об обществах и союзах соответствующее ходатайство.

В первый раз устав не был разрешен, присутствие поставило ультиматум:

— Хотите об'единиться—называйтесь Обществом, а слово союз в уставе мы не допустим!

*) Арх. пенз. губерн. фонд об обществах и союзах Присутствия. Дело № 9, 1908 г.

Вот какие рогатки ставились профессиональному движению—к каждому слову придирались. Волей-неволей подчинились. Стали называться „обществом рабочих по металлу г. Пензы".

Разрешили.

После этого еще устроили собрание, на котором и избрали правление об-ва. В правление вошли: Г. В. Портнов, Трясогузов, Сысуев, Стрельцов, Щукин, Борисов Михаил, Ильин и Меркулов.

Правление особого помещения не имело и первоначально помещалось на квартире Трясогузова, на Солдатской улице, а потом перешло ко мне, на Старо-Черкасскую, 10, где и оставалось до февральской революции.

Членов об-ва тогда было свыше 200 человек, все горели желанием активной работы, но начавшаяся империалистическая война прервала широко задуманную деятельность об-ва: большинство членов подбало под мобилизацию на фронт, да и власти особенно осторожно стали присматриваться к работе профессиональных союзов. Меня, например, за два года — 15-й и 16-й—раз двадцать таскали в участок на допросы.

Как следили за нами, видно из того, в каких условиях происходили наши заседания правления. Бывало только соберемся поговорить по секрету, по душам, о рабочем движении, о грядущей революции и т. п., как, точно из земли, выростает квартальный или околоточный надзиратель. Нахально, без приглашений, занимает место в сторонке от нас и сидит, ровно в комнате никого, кроме него, нет.

Ну, обсудим вопросы легального характера и говорим шпику полицейскому:

— Мы кончили—вы теперь свободны!

— Ничего,—отвечает, не моргнув глазом, бессовестно так,—ничего, не беспокойтесь! Я еще посижу.

„Не беспокойтесь!" Прямо диву даешься: будто мы в гостях у него.

Ну, и запуганы были все. Говорят между собою двое—трое рабочих и оглядываются: не подслушивает ли кто?

К 1916-му году от двух сот с лишним осталось нас, членов союза, включая и правление, 15 человек.

Работа замирала. Я сделал попытку оживить профсоюз, но это оказалось делом очень трудным.

Приведу такой пример. Пошел я на Селиверстовское отделение Трубочного завода; собрал в укромном уголке рабочих и повел агитацию за вступление в союз. Рабочие приветствовали мое предложение, но встал вопрос:

— Завод военный, так можем ли мы состоять в союзе?—спрашивали они.—Если препятствий не будет, мы все, как один, готовы!

Опасения их были основательны: за участие в союзе рабочих этого завода увольняли с работ; записаться в союз можно было только с разрешения администрации, но администрация в этом отношении была хуже полицейских—разрешений не давали.

Так ничего и не вышло. Как осталось нас 15 человек членов, так этим составом, или количеством, мы и тянули до февральской революции, когда в первую же неделю ее в союз металлистов сразу вступило 500 новых членов.

Вся работа наша в до Февральский период тормозилась и свирепствовавшей реакцией, и военной обстановкой и ограничивалась лишь пропагандой революционных идей и профессиональным просвещением рабочих масс.

В этом смысле подготовительная работа проделана была большая: впоследствии металлисты стали самым мощным союзом.

Сильный нажим был на профсоюзы, или на что-либо, напоминающее их, казалось бы, чего может быть невинней как взаимопомощи? Но и те разрешались с трудом.

Так не были разрешены кассы взаимопомощи врачам, ветеринарам, формацевтам г. Пензы и губернии, служащим Керенского Земства и другим.

Как видим, период времени между изданием закона 4 марта 1906 г. и февральской революцией отличался массовыми попытками рабочих и служащих организоваться в профессиональные союзы.

Попытки эти не всегда увенчивались успехом, о чем свидетельствуют только, что рассказанные нами случаи отказов в регистрации союзов и обществ в преследовании или же закрытии их.

Собственно, каждый союз каждодневно находился под угрозой закрытия, потому что всякое малейшее отступление союза от своего устава создавало ему опасность стать в положение гонимого; начинались допросы полицией, жандармерией, следствия, и это обстоятельство сковывало, парализовало деятельность союзов, которые, к тому же, еще не были окрепшими и устойчивыми.

Вот история одного чуть было не состоявшегося закрытия союза Пензенского вспомогательного Общества торгово-промышленных служащих, об'единявшего 450 действительных членов.

Дело было так.

29 февраля 1912 года общее собрание торгово-промышленных служащих, заслушав доклад правления об изменении законопроекта о нормальном отдыхе торговых служащих комиссией Государственного Совета, единогласно приняло следующую резолюцию:

„1. Общее собрание Пензенского Вспомогательного Об-ва, представляющее собою 450 действительных членов, обсудив вопрос о нор-

мальном отдыхе, в связи с законом 15 ноября 1906 года, протестует самым решительным образом против выраженного желания комиссией Государственного Совета ввести 15-ти часовой рабочий день в будни и 5-ти часовой в праздники. Собрание констатирует, что комиссия Государственного Совета совсем не считается с интересами торговых служащих и стремится к ухудшению и без того тяжелого положения приказчиков. Собрание отмечает, что комиссия Государственного Совета не только не считается с требованиями 3-го Всероссийского с'езда приказчиков, признавшего необходимым установление законным путем 8-ми часового рабочего дня, но игнорирует даже Высочайшее повеление от 15 ноября 1906 года о максимальном 12-ти часовом рабочем дне.

2. Принимая во внимание, что 3-й Всероссийский Се'езд приказчиков в 1906 г. высказался за установление законодательным путем 8-ми часового рабочего дня и что 15 ноября того же года было издано Высочайшее повеление о нормальном отдыхе, установившее 12-ти часовой рабочий день, собрание признает, что торговые служащие в борьбе за свой рабочий день могут расчитывать только на самих себя.

Собрание считает, что интересы и нужды торговых служащих может формулировать только такая авторитетная организация, как Всероссийский С'езд приказчиков.

Собрание предлагает правлению Об-ва просит Московское Общество Взаимопомощи коммерческих служащих, чтобы оно взяло на себя инициативу созыва 4-го Всероссийского с'езда, возбудив об этом ходатайство в соответствующих учреждениях.

Этой резолюцией мы присоединяемся к резолюцию Московского Об-ва коммерческих служащих.

Кроме того, собрание предлагает материалы настоящего доклада и резолюцию поручить правлению отправить в Государственную Думу и Государственный Совет, а также Киевскому Об-ву приказчиков, которое просить—все материалы, собранные по этому вопросу, обработать и отпечатать для того, чтобы ими могли пользоваться все общества торговых служащих".

Ознакомившись с содержанием резолюции, губернатор наложил на нее свою:

„Возбудить вопрос о закрытии общества".

На заседание Присутствия 10-го марта были вызваны члены правления Об-ва: И. Я. Клюев, Г. И. Кривошеев и И. Т. Красичков.

Общество, все-же, не было закрыто и только потому, что, во-первых, в 1912 г. была неподходящая политическая обстановка: среди рабочих и служащих царило возбужденное настроение, могущее вы-

литься в нежелательные для правительства формы, а во-вторых, правление, как говориться в журнале заседания Присутствия, „сознав свою ошибку, означенное постановление общего собрания относительно отсылки по этому поводу материалов и резолюции собрания в Государственную Думу и Государственный Совет в исполнение не привело, что правление в будущем не будет допускать подобных ошибок и. т. д.“*)

Короче говоря, правление принесло повинную, лишь бы предотвратить разгром общества.

В такое же положение—или закрытия, или отказа от своих требований—было поставлено и профессиональное общество рабочих булочно-кондитерского и хлебопекарного производства, вторично возникшее только в октябре 1913 г. уже в новом составе учредителей, а именно: И. Назарова, Н. П. Корчагина, И. Н. Селиверстова и Д. В. Гуляева.

Здесь дело обстояло несколько иначе.

В первых числах декабря того же года рабочие булочной торг. дома В. И. Кузьмина об'явили забастовку, требуя повышения заработка. До апреля 1912 г. условия труда, у Кузьмина были такие: рабочие получали 18 рублей в месяц при хозяйском столе и общежитии. Но вот, в первых числах апреля 1912 г., в общежитии рабочих, без всяких словесных предупреждений их, предпринимателем было вывешено об'явление: „Сим извещаю рабочих торгового дома Кузьмина и Чихирева, что мною с 15 апреля 1912 г. кухня, стол и квартира упраздняются и на харчи будет выдаваться 3 рубля. Не заявившие никаких претензий будут считаться оставшимися“.

25 рабочих заявили протест, и тут же были уволены.

Вследствие этого,—так как производство не сокращалось, а рабочих осталось меньше,—труд их сделался крайне обременителен, хотя и прежде был не легок.

Начались конфликты, доходившие до полиции, и, наконец, в начале декабря 1913 г. рабочие об'явили забастовку, требуя увеличения жалованья до 25 рублей в месяц и распределения труда по выработанному обществом распорядку.

Ответ Кузьмина был таков:

— Не желаете работать за прежнюю цену—уходите, других возьму мало-ли вашего брата безработных!

По поводу этого конфликта полицмейстер секретно доложил губернатору:

„Данное недовольство рабочих платою и условиями труда, как

---

*) Арх. пенз. губернского об обществах и союзах Присутствия. Дело № 34, 1912 г.

*) Арх. пензенского губернского об обществах и союзах Присутствии. Дело № 10, 1913 г.

выяснилось, проявилось после учреждения профессионального общества, устав которого утвержден 7 октября сего года".

В этом смысле полицмейстером поставлены были в известность также начальник жандармского управления и фабричный инспектор.

Против союза ополчились все власти. Председатель союза Лепешов 17 декабря был вызван в губернское правление на допрос.

Забастовка была сорвана.

В продолжение следующего года профсоюз больше ничем не выявил себя и в 1914 г., с мобилизацией более активных его членов на фронт, распался *).

Об остальных возникших в период 1906—16 г.г. союзах и организациях профессионального типа мы ограничимся хронологическим перечнем их.

5-го июня 1907 г. было открыто профессиональное общество рабочих и служащих фабрики т-ва Сергеева.

2-го октября того же года открыто „Общество взаимной помощи лиц, проживающих в г. Пензе и принадлежащих к профессии оффициантов и другой трактирной прислуги".

8-го июля 1908 года открылась ссудо-сберегательная касса служащих в земских учреждениях г. Пензы и его уезда.

В том же месяце 1908 года в Пензе возникло отделение Российской артели комиссионеров, поставивших себе целью производство личным трудом, участников артели, комиссионных поручений и работ по покупке и продаже товаров, хранению и сдаче таковых, а равно и для отпуска своих членов на службы по торговле, как то: доверенными, приемщиками и оценщиками для всякого рода товаров.

12-го января 1910 года в Пензе открылось педагогическое собрание „об'единяющее на почве педагогических интересов, лиц, имеющих непосредственное отношение к делу воспитания и образования, доставление сим лицам, а также семействам их приятного и удобного места для отдыха, моральную и материальную помощь своим членам".

11 ноября 1911 г. открылась „Товарищеская касса трудовых сбережений рабочих и служащих конторы „Пинес" по развозке казенных питей в Пензенской и Астраханской губерниях", с отчислением обязательных членских взносов в размере 5% с оклада ежемесячно получаемого жалования и 10% с получаемых наградных.

Касса организована рабочими и служащими конторы „Пинес": И. В. Сенницким, И. И. Мандрус и П. К. Королевым.

Касса существовала до октября 1914 г. и закрылась вследствие ликвидации дел конторы „Пинес".

10-го марта 1912 года в Инсаре приступило к работе педагогическое собрание, с теми же целями, что и пензенское.

19-го февраля 1912 года в Пензе открылось отделение профессионального общества землемеров.

19-го января 1913 г. открылась ссудо-сберегательная касса служащих в магазине торгового дома В. А. Вярьвильского, в Пензе.

9-го июня 1914 г. открылось профессиональное общество деревообделочников г. Пензы.

В ноябре 1914 года возникло пензенское общество преподавателей, организованное учителями средних школ, в целях создания такого среднего учебного заведения, которое удовлетворяло бы всем современным требованиям педагогики.

13 декабря 1914 года в Чембаре открылось профессиональное Общество взаимопомощи волостных писарей и их помощников.

В январе 1915 г. открылась ссудо-сберегательная касса служащих пензенской почтово-телеграфной конторы.

С апреля месяца того же года начала свои действия ссудо-сберегательная касса служащих в казенных и общественных учреждениях г. Чембара.

8-го июня 1916 года приступило к работе саранское Общество народных университетов, учрежденное в целях организации систематических образовательных и профессиональных курсов, постоянных и подвижных, отдельных лекций, образовательных экскурсий и занятий по искусствам, устройства народных университетских домов и т. д.

24 июня 1916 г. открылась касса трудовых сбережений служащих фирмы товарищества электрометаллургического завода Лейкина и Пинес, в Пензе.

29-го октября 1916 года открылось „Общество взаимопомощи учащих начальных училищ Мокшанского уезда,“ организованное учителями А. Г. Громашевым, Ф. М. Чурбановым, Г. А. Громашевым и М. А. Карцевой.

Вот и все профессиональные организации, возникшие с 1906-го по 1917 год. Все эти союзы, хотя в общем ничем особенно активно себя не проявили, но, тем не менее, понятно само по себе, роль их, как организующего начала распыленной массы трудящихся, громадна. Пролетариат получил опыт самоорганизации, а опыт — предпосылка больших успехов в будущем.

При перечислении всех организаций не могло не обратить на себя внимание обилие касс взаимопомощи. Может создаться впечатление, что эти кассы играли видную роль в своем назначении.

Совсем наоборот—роль их была прямо обратно пропорциональна количеству, незначительна, а виды помощи ничтожны.

Вот, например, годовой отчет Общества взаимопомощи служащих Н.-Ломовского земства за 1908 год.

Членов 121 (служащие управы, врачи, фельдшера, учителя, агрономы и т. д.).

Доходы Общества: 1120 р. 78 коп., расходы 108 р. 13 коп., из них (расходов) по управлению делами Об-ва 55 р. 63 к., безработным 2 р. 50 коп., на случай смерти 25 руб., на обучение детей 25 рублей.

Или: профсоюз писчебумажников фабрики Сергеева в том же году имел 110 членов.

Доход Общества—325 рублей 34 коп., расход 68 рублей 72 коп. Сумма расходов составилась из следующих цифр: выдано пособий больным без возврата—8 рублей, с возвратом—5 рублей, безработному на проезд 2 рубля, на похороны, с возвратом, 5 рублей и т. п. мелкие виды помощи.

Еще ничтожней взаимопомощь за тот же год у печатников, имевших также 110 человек, а именно: выдано на проезд безработным 9 руб. 10 коп., выдано врачу из медицинской суммы 1 руб. 50 коп *)

Правда, этот союз в первый год затратил много средств на приобретение библиотеки в 500 томов.

Другие союзы и этого не имели.

В этих цифрах до некоторой степени отражается общая бедность губернии, малообеспеченность ее пролетариата и его слабая организованность.

Участие рабочих и служащих в кооперации.

Также, как и в профдвижении, незначительно было участие рабочих и служащих и в кооперации, не смотря на то, что в последние годы перед Февральской революцией вздорожание жизненных припасов и предметов потребления вызвало значительное ухудшение материального положения даже среди таких, сравнительно, обеспеченных слоев служилого населения, как служащие государственных учреждений.

Из рабочих кооперативов довоенного возникновения приходиться отметить только один—это потребительский кооператив рабочих и служащих Н.-Пестровского завода. Этот кооператив открылся в 1913 году.

---

*) Арх. пенз. губернского об обществах и союзах Присутствия. Дело № 12, 908 г.

Остальные потребительские общества возникли уже накануне Февральской революции, и они не отличались многочисленностью.

Перечислим эти кооперативы: потребительское товарищество лиц судебного ведомства, в Пензе; общество доступных столовых (тоже в Пензе), ставившее задачей, на началах взаимопомощи, предоставление своим членам возможности пользоваться из общественных кухонь и столовых обедами по цене, возможно более близкой к заготовительной; потребительское общество рабочих Б.-Лукинской суконной фабрики и потребительское общество „Рабочий“ рабочих Литвинской суконной фабрики.

Больничная Об'единенная Городская Касса.

В заключение очерка развития профессионального движения в дофевральский период, или вернее, в довоенный, остается еще отметить один важнейший момент, это — организацию Больничной Об'единенной Городской Кассы, в Пензе.

Больничные Кассы по России стали возникать в конце 1912 или же в начале 1913 г. на основе закона 23 июня 1912 г.

Как известно, закон этот был издан тотчас же после Ленских и майских 11 событий 1912 г., когда для правительства стало совершенно ясно, что страхование рабочих ввести необходимо и, притом, как можно скорее.

На основании первой редакции ст. 67 полож. о Больничных Кассах, страховые взносы производятся рабочими, предприниматели же вносят лишь приплаты к взносам рабочих по 2 коп. за каждые 3 коп., внесенные рабочим.

Но это положение на окружных с'ездах фабричных инспекторов, с участием представителей хозяйских организаций, подверглось изменению; с'езды внесли в проект устава поправки в сторону уменьшения взносов со стороны хозяев, и предпринимателей.

В конце концов, закон был утвержден правительством 13 декабря 1912 г. с поправками, какие внесли в него предприниматели. Таким образом, нормальный устав Больничной Кассы явился результатом совместных „трудов“ правительства и хозяев.

При этом надо заметить, что на основании ст. 28 положения об обеспечении рабочих на случай болезни, проект устава той или иной Кассы составляется самим хозяином, если Касса—фабричная, и хозяевами по соглашению между собою, если Касса—общая для нескольких предприятий. Хозяева обязаны лишь были „выслушать“ мнение упол

номоченных от рабочих и служащих; считаться же с этим мнением, в силу закона, хозяева не обязаны. Но тем, не менее, при том настроении рабочих, какое было в 1912—13 гг., хозяева вынуждены были считаться с рабочими и, случалось, шли на уступки. Но это при наличии только организованности рабочих, их твердой решимости во чтобы то ни стало отстаивать свои предложения по части изменений нормального устава о Больничных Кассах в смысле отвоевания у хозяев большего процента взносов на обеспечение рабочих на случай болезней.

Обычно, организации Больничных Касс предшествовали длительные переговоры рабочих с хозяевами о процентных взносах последних.

Тоже самое было и в Пензе *).

Здесь Больничная Касса возникла только в конце 1913 года, так как около полгода рабочие домогались 3%-ных взносов хозяев, а последние соглашались только на 1%.

На совместных заседаниях предпринимателей (владельцев механических заводов Кракк, Воронцовой и Платовой и экипажного заведения Казанцева) с рабочими происходили жаркие прения.

Представители рабочих к требованию 3%-ных взносов хозяевами присоединяли еще одно—страхование их семей на случай болезни.

Хозяева решительно противились и стояли на своем: 1%, и больше ничего.

Необходимо было мобилизовать рабочих названных предприятий (другие не участвовали в организации Больничной Кассы) на позиции решительного отстаивания своих предложений.

Так как открыто массовую агитацию в этом направлении вести было не безопасно, то собирались конспиративно где-либо в домах рабочих, расположенных на окраинах города, или же в лесу—около Сергеевской писчебумажной фабрики и в Черкасском, за Сурой.

На этих тайных сходках закон о Больничных Кассах подвергали всестороннему изучению и обсуждению.

Но так как, с одной стороны, предприниматели твердо стояли на

*) По воспоминаниям Н. В. Яковлева и Ф. А. Трясогузова.

своем, а с другой, рабочая масса не дружно приняла участке в кампании организации Больничных Касс—пришлось пойти на уступки. Уступили и предприниматели, и, в конце концов, стороны помирились на 2%-ных отчислениях в Кассы, поровну с предпринимателей и рабочих.

В правление об'единенной кассы в сентябре 1913 г. были избраны: председателем—токарь по металлу (завода Платовой) Н. В. Яковлев, секретарем—чертежник (завода Кракк) М. А. Борисов и членом правления—слесарь (завода Платовой) Андрей Лавров.

Представителем в губернское Присутствие по делам страхования рабочих был выделен Н В. Яковлев.

Вскоре же, месяца через три, состав правления был пополнен заместителем председателя, Ф. А. Трясогузовым. Комитет Кассы, или правление, резиденцию свою имел в квартире члена правления Лаврова, по Малой Федоровке. Собрания рабочих по делам страхования, обычно, проводились в клубе приказчиков („Олимп“) или-же на заводе Кракк.

Правлением в библиотеку Кассы выписывались журналы „Страхование и Жизнь“ и „Охрана Труда“. В Больничной Кассе в 1913 г. состояло 400 членов, больше это количество не увеличивалось до Февральской революции, напротив—в годы империалистической войны количество членов Кассы подвергается значительному изменению в сторону уменьшения.

Правлением Кассы делались неоднократные попытки добиться кое-каких улучшений в отношении охраны труда рабочих и более сносных санитарных условий на предприятиях, но эти попытки не увенчались успехом, за исключением одного только случая, когда, по настоянию правления Кассы, рабочим завода Кракк стали выдавать... рукавицы.

Что касается технической безопасности, или, вернее, устранения этой опасности, то и в этом отношении сделать ничего не удалось.

Куда бы правление Кассы не вызывало фабричного инспектора на завод или предприятие он неизменно отвечал:

— Здесь все усовершенствовано. Не понимаю, о чем вы беспокоитесь?

Вероятно, вследствие этого—слабого вида помощи рабочим от Больничной Кассы—идея последней не вызвала широкого движения рабочих масс.

Представитель рабочих в губернском Присутствии по делам страхования Н. В. Яковлев, неоднократно поднимал там вопрос о том, что принятый устав Кассы не удовлетворяет рабочих, что необходимо усилить процент взносов со стороны предпринимателей и государ-

ства. На это председатель Присутствия, губернатор фон-Лилиенфельд-Тоаль и старший фабричный инспектор Языков, обычно отвечали:

— Закон хорош и виды помощи рабочим на случай болезни вполне достаточны. Переложить тяжесть процентных отчислений на заводчиков и государство совершенно немыслимо.

Губернатор и фабричный инспектор после таких заявлений Яковлева с раздражением набрасывались на него, как на представителя рабочих, по адресу которых бросали: „Много захотели!"

Остальные чиновники Присутствия—а их было еще шесть человек—поддерживали губернатора. При таком положении вещей участие представителя рабочих в губернском Присутствии было совершенно бесполезным и бесцельным.

С мобилизацией на фронт активных деятелей Больничной Кассы—Яковлева, Трясогузова и др., работа ее принимала все меньшие и меньшие размеры. Чем дальше, тем больше Касса теряла свое значение, как организации помощи рабочим на случай болезни но, становилась профессионально-политическим центром, вокруг которого объединялся, группировался рабочий актив. Устраивая легальные собрания, под видом обсуждения дел Больничной Кассы, рабочие, вдали от полицейских глаз, группами дебатировали вопросы экономического и политического характера, подготовляясь к надвигающейся революции.

V. От Февраля к Октябрю.

Империалистическая война 1914—1917 г. г., взявшая на фронт наиболее здоровую и активную часть рабочих, явилась фактором, можно сказать, полного разгрома начавшегося развития рабочего и профессионального движения в Пензенской губернии после эпохи реакции.

Лишь после Февральской революции профессиональное движение в Пензе и губернии, во главе которого встали социал-демократы (меньшевики), стало развиваться на узко-профессиональных принципах—улучшения экономического положения, и только. Но вскоре же рабочим стало ясно, что до тех пор, пока власть находится в руках той самой буржуазии, у которой они мирным путем—и так безуспешно—отвоевывают улучшение своего экономического положения,—движение на узко-профессиональных принципах не увенчается успехом в разрешении тех вопросов, которые толкнули на революционные выступления в Февральские дни рабочие, солдатские и крестьянские массы. На этих моментах борьбы профзоюзов с предпринимателями и эволюции самого характера рабочего и профессионального движения мы и остановимся более или менее подробно.

Образование профсоюзов. Профессиональные союзы начали возникать вновь с первых же дней Февральской революции. Бурный рост их, за отсутствием точной регистрации, не поддается учету. Первым в начале марта организовался союз низших служащих больниц и лечебниц гор. Пензы.

17-го марта на общем собрании портных и ртних гор. Пензы, в присутствии 200 человек, положено было начало профсоюзу „Швейник"

„После всестороннего освещения ораторами экономического политического и культурного значения профессиональных союзов, —говорится в первом постановлении—единогласно решили создать, профессиональный союз всех портных г, Пензы, считая таковой интернациональным и беспартийным"

Не трудно заметить, что речь не шла дальше профсоюзов меньшевистского толка.

Как увидим дальше, борьба швейников за свои экномические позиции на этой платформе не увенчалась каким-либо осязуемым успехом и вопрос о том, быть союзу только беспартийным, или встать на путь политической борьбы, указываемый большевиками,—вскоре стал ясным сам собою, вследствие разочарования союзной массы именно в этой, ничего не дающей и ничего не обещающей, беспартийности профсоюза.

Нужно отметить, что в состав правления вошли и предприниматели.

Нужно ли после этого удивляться, почему собрание вынесло постановлсние о беспартийности профсоюзов?

Затем последовательно, возникли: союз оркестровых музыкантов и отдельных музыкальных деятелей; общество взаимопомощи и сберегательная касса служащих торгово-промышленного товарищества на паях Сергеева, в Пензе; союзы печатников г. Пензы, служащих керенского казначейства, служащих контрского труда г. Пензы и губернии, пензенского городского самоуправления, курьеров г. Пензы, учителей пения г. Пензы, союзы рабочих крупных фабрик и заводов и различных узких профессий, вроде союза ночных сторожей.

Все эти союзы возникали явочным порядком, в первые месяцы они лишены были какого-либо единого руководства, никто не вел учета их деятельности и, повторяем, за отсутствием каких-либо письменных материалов, мы прямо лишены возможности сказать что-либо о работе некоторых союзов; при чем союзы узких профессий, обычно, ни чем себя не проявляли и впоследствии их растворение в союзах, организованных по производственным признакам, было неизбежно.

Совет Союзов, приступивший к об'единению деятельности отдельных проформанизаций, сконструировался только за три месяца до

Октябрьской революции, но и он, захваченный потоком революционной волны, быстро сменявшейся политической обстановкой, вниманием к злободневным вопросам,—чисто профессиональной работе уделял слишком недостаточно внимания. В среде Совета Союзов больше было споров по принципиальным вопросам различных политических групп, чем обсуждения текущих вопросов и задач профессионального и рабочего движения.

А между тем, профсоюзной работы был непочатый угол: какой вопрос не взять—все было в зачаточном состоянии или в стадии оформления. Чтобы конкретизировать задачи, стоящие перед профсоюзами того времени, мы позволим себе привести выдержку из статьи тов. Гринштейна, *) который в № 12 газеты „Борьба," от 27 июня, писал:

„Активное участие в контроле над производством, выработка законов об охране труда, участие в рабочем законодательстве, борьба с настоящей и грядущей безработицей, широкая культурно-просветительная деятельность—вот те колоссальные задачи, которые стоят перед профессиональными союзами. Далее, необходимо об'единение всех больничных касс губернии в одну общегубернскую с ясным и точным разграничением ее деятельности и уточненным взаимоотношением ее к проф. союзам и другим организациям.

Затем, должно быть положено прочное начало об'единения всех фабрично-заводских кометов губернии в один общегубернский и организацию их в тех углах, где их не существует.

Практически выполнение этих задач будет осуществлено, по мере сконструирования каждой из организаций, путем созыва представителей соответствующих организаций. Так, напр., налаженное проф. строительство вызовет к жизни губ. с'езд проф. союзов, организованное бюро фабрично-заводских комитетов, вызовет с'езды последних и так далее.

Такие с'езды сыграют колоссальную роль в организации рабочих. Они разнесут по всем закоулкам необходимость организаций, необходимость самого тесного, широкого об'единения рабочих. Они пробудят в рабочем жажду к общественно-политической деятельности, жажду самого широкого участия в политической жизни страны.

С об'единением губернии можно положить начало правильной систематической партийной работе. Рабочие организации, об'единенные только началами „взаимопомощи" и далеко стоящие от красных знамен интернационала, вырождаются в организации „крохоборства" (английские тред'юнионы[12]).

---

*) Тов. Гринштейн является одним из активных деятелей Пензенского Октября. Ред.

Все, выраженные в данной статье, пожелания в значительной части и остались только пожеланиями, осуществление которых имело место лишь уже после Октябрьской революции.

Индифферентизм служащих. Для более полной характеристики профсоюзного строительства времен Февральской революции, необходимо указать, что в то время, как рабочие, увлеченные политической борьбой, все же, принимали более или менее активное участие в профсоюзном движении, служащие различных ведомств проявляли редкий индифферентизм в этом отношении.

Так, первые 8 месяцев Февральской революции среди железнодорожных служащих не замечалось никаких признаков профессионального движения. Об организации профсоюза только поговоривали, да и то в одиночку, боясь навлечь на себя недоброжелательное отношение начальства, привыкшего командовать подчиненными по своему усмотрению.

Но на 9-м месяце, когда уже большинство союзов не только оформилось, но и перешло к активным действиям и по защите своего экономического положения, и по линии правовой, среди железнодорожников, оказавшихся как бы отщепенцами,—движение в сторону самоорганизации в союз начинает проявляться в формах сходок и заявлений в печати, указывающих на необходимость этой организации.

Впрочем, отщепенцами являлись не одни только железнодорожные служащие не были организованы в профсоюзы и служащие государственных учреждений. А что значило в то время быть вне союза—приведем такой пример.

Служащие учреждений министерства внутренних дел, неорганизовавшиеся в профсоюз, за все месяцы существования Временного правительства продолжали получать ставки, утвержденные для них лет 25 тому назад. В связи с падением стоимости рубля и ростом дороговизны, ставки эти, конечно, далеко отстали от ставок других учреждений. И только после Октябрьской революции служащие названных учреждений, едва-ли не впервые собравшись все вместе, вынесли пожелание об увеличении ставок, но и на этот раз дело чуть не затормазилось: союза нет—кому-же хлопотать?

Некоторые союзы, как, например, союз служащих в театральном и кинематографическом предприятиях, организовались только в сентябре и октябре, другие же ограничились одними попытками, как, например, временный комитет чертежников и техников.

В уездных же городах не только профсоюзы служащих, но и производственные возникли или в конце декабря, с переходом власти к Советам или же в первых месяцах и даже в середине 1918 года.

Из уездных союзов самый большой по составу был саранский союз земских служащих, организованный в декабре 1917 года. В этот

союз вошли служащие всех профессий, как-то: уездного земства, секретари волостных управ и др.

Согласно принятому уставу, с каждого служащего ежемесячно отчисляется 1/2 проц. жалованья в пользу союза и единовременно членский взнос в размере 2 проц. месячного жалованья. Это обычный процент членских того времени.

Из союзов служащих, если кем-либо и была проявлена некоторая деятельность, так это служащими городского самоуправления, хотя платформа их и не отличалась особой революционностью.

До сентября месяца позиция союза по отношению к Городской Думе и Управе были неопределенны, и только в сентябре, под влиянием действий других союзов, служащие городского самоуправления начинают ощущать необходимость формулировать свою позицию. 14-го сентября, на общем собрании, эта позиция находит свое выражение в следующей декларации:

„Союз служащих пензенского городского самоуправления принимает на себя не только заботу об обеспечении правового материального положения членов союза и об удовлетворении их духовных потребностей, но и обеспечение возможности содействия со стороны союза к усовершенствованию всего городского дела.

Но принимая во внимание, что ответственность за успешное ведение городского хозяйства лежит всецело на выборных органах городских самоуправлений нынешнего созыва, избранных на основе всеобщего избирательного права, и поэтому являющихся единственно полномочными представителями всего городского населения,—союз заявляет, что он в своей будущей деятельности не намерен так или иначе вторгаться в среду управления городскими делами и не будет домогаться решающего голоса в тех органах городского самоуправления, которые ответственны за решение этих вопросов, т. е. в Городской Управе, Думе и исполнительных комиссиях.

Вместе с этим, союз, ставя своей основной задачей нормирование условий труда и быта городских служащих, заявляет, что он будет добиваться признания Думой за ним нижеследующих прав:

1. Права инициативы в разработке организационных вопросов в этой области.

2. Права непременного участия в рассмотрении тех же вопросов, возбуждаемых и разрабатываемых органами городского самоуправления, причем без заключения союза такие вопросы не должны Думой разрешаться.

3. Права защиты интересов союза через представителей его во всех органах городского самоуправления.

4. Права участия в назначениях, перемещениях и увольнениях

служащих, причем прием, увольнение и перемещение постоянных и временных служащих должны совершаться не иначе, как с санкции союза в лице его исполнительного органа—правления союза.

5. Права участия в распределении отпусков, пособий, сверхурочного труда, продовольствия, а равно и участия в назначении всех видов послеслужебного обеспечения, как то: пенсий, единовременных пособий, страховых вознаграждений и проч.

6. Права легальной борьбы за интересы городских служащих вплоть до стачек.

Считая вместе с этим, что интересы городского дела, а также и достоинство союза служащих, требуют наличности такого органа, в котором городские служащие находили бы беспристрастное и авторитетное решение всевозможных конфликтов в области служебных отношений, как между отдельными служащими, так равно между служащими и органами городского самоуправления,—союз служащих находит необходимым организовать для этой цели примирительную камеру и просить Думу оказать этому делу свое содействие". *)

Но Думе было не до этого, и декларация служащих так и осталась гласом вопиющего в пустыне.

Забастовочное движение.

Март месяц в жизни производственных союзов был месяцем организационного оформления и надежд на улучшение рабочего быта без борьбы, поскольку они находились под влиянием меньшевиков.

Когда же эти надежды и ожидания не оправдались, почти все без исключения предприятия Пензы—фабрики, заводы, типографии, мастерские и т. п.—охватила волна стачек, из которых некоторые, как, например, на пакетной фабрике Фридман и в типографии „Единение" стачки продолжались—в первой 4 месяца и 4 дня, а во второй 3 месяца и одну неделю.

Забастовка печатников.

Всех типографий в городе Пензе было 7; рабочих в них 300 взрослых и около 60 малолетних. Союз организовался около 15 апреля. Членами союза состояли все рабочие, начиная с 16-ти лет.

До февральской революции заработок печатника был около 55 рублей, причем цифру эту получали только в одной из крупнейших типографий и то всего лишь несколько человек.

Настало время, которое не могло, конечно, не расшевелить, к слову сказать, очень долго спавшего пензяка.

*) „Известия Р., Кр. и Воен. Деп." № 165 за 1917 год.

В первую очередь начали говорить о поднятии заработной платы. Почему именно заговорили о поднятии платы, а не об организации союза. Справедливость требует отметить, что насколько рабочие до переворота были забиты, настолько они после его оказались способны организоваться. Моментально была создана комиссия для выработки требований, после чего были устроены ряд собраний, на которых требования эти подвергались тщательному обсуждению и затем их решено было пред'явить хозяевам, а при отказе с их стороны удовлетворить таковые—об'явить забастовку.

Администрация не довела до забастовки.

Эти незначительные требования (*см. приложение № 7*) были удовлетворены.

Самое главное и трудное было—это провести уровнительность, но и она была достигнута. Например, в одной и той же типографии среди одной и той же профессии не существовало никакого уравнения; из 60 человек буквально все получали разно.

Ввиду быстрого роста дорговизны, пред'явленные 11 апреля требования, разумеется, рабочих удовлетворить не могли и спустя месяц, в связи с выходом кадетской газеты „Пензенская Речь", союзом решено было пред'явить новые требования.

Пред'явленные вновь требования были преимущественно экономические: увеличить всем трем категориям жалованье до 150 рублей, фальсовщицам же до 90 рублей. Требования эти во всех типографиях, за исключением пакетной фабрики Фридмана, были удовлетворены. Фридман соглашался лишь дать 55 рублей, что безусловно являлось неприемлемым (ранее рабочие получали 45 рублей).

Таким образом, с 12-го июня была об'явлена стачка.

Союз был приглашен владельцем на переговоры, и сделал значительные уступки: вместо требуемых 90 рублей союз соглашался на 70 рублей, требуя уплаты за все время забастовки, на что Фридман не шел, предлагая лишь за один месяц и то по старому расценку.

Последние переговоры велись на 3-м месяце стачки. Соглашения достигнуть не удалось и стачка продолжалась. Благодаря затяжного характера стачки у Фридмана, а может быть, опомнившись от первых ударов, кадеты из „Пензенской Речи", очевидно, желая отнять то, что они принуждены были дать при выпуске газеты, пред'явили к рабочим требования, которые носят явно наступательный характер и сводились к следующему: 1) ввести на газете норму в 185 строк, составляющих 6845 букв (что и не может соответствовать средней норме наборщика, исходя из Петроградского тарифа); 2) отказать в уплате жалованья рабочему, состоящему членом губернского Исполнительного Комитета, освобожденному от работы по предписанию того

же Комитета, и еще ряд пунктов, ограничивающих права рабочих, и т. д

Удар, по их мнению, должен был быть верен и достаточно сильно бьющий по молодому союзу, имеющему всего лишь около 300 членов, с приходом в 150—200 рублей в месяц. Но союз, не смотря на имеющуюся уже стачку (у Фридмана), принужден был принять вызов кадетской газеты. Но, прежде чем об'явить стачку, союзом был делегирован представитель для переговоров. Администрация типографии отказалась вести переговоры с представителем союза, заявив последнему, что говорить по этому поводу она будет непосредственно с самими рабочими. Однако, рабочие отказались разговаривать с администрацией, указав, что для этого у них имеются выборные, а также и представители союза. На это администрация типографии категорически заявила, что она никаких союзов не признает, и удалилась. После этого общее собрание членов союза, постановило ответить на эту выходку администрации стачкой и пред'явить следующие требования: 1) извиниться за оскорбительный поступок по отношению к представителям рабочих; 2) отмена нормы в 185 строк; 3) уплата жалованья члену губернского Исполнительного Комитета; 4) удаление заведывающего типографией.

Стачка продолжалась.

Через два месяца администрация обратилась в совет Р. С. и К. Депутатов с просьбой оказать содействие в ликвидации стачки. Последний известил об этом союз, который из'явил свое согласие вступить в переговоры с администрацией.

Результат переговоров был тот, что рабочие согласились уступить в самых существенных пунктах, как пункты 1-й и 2-й, соглашаясь на норме в 150 строк и оставляя пункт о требовании удаления заведывающего открытым, но настаивая на полной уплате за забастовочное время. Ввиду того, что уполномоченные со стороны владельцев типографии „Пензенекой Речи" не имели права, как они заявили, решить этот вопрос окончательно, переговоры были прерваны, с пожеланием начать их в другой раз, заручившись определенными полномочиями.

Спустя несколько дней, союзом была получена от администрации типографии бумага, в которой не только не было нечего примиряющего, но она носила явно контр-наступательный характер. В ней, между прочим, указывалось, что они с ранее бывшими выборными не только не могут участвовать в переговорах, но даже отказываются принять их на работу, если даже и состоится соглашение, а об уплате за забастовку и речи быть не может, ибо они не считают для себя возможным платить рабочим за то время, которое они фактически не работали, тем более что стачка вызвана исключительно сами-

ми, рабочими в целях закрытия газеты. На уменьшении нормы тоже не согласны. В заключении говорилось, что если рабочие пожелают встать на работу, на указанных выше условиях, то для этой цели должны избрать новых делегатов для переговоров. Рабочие на это не согласились и стачка продолжалась.

Нужно сказать, что рабочие—печатники, которые работали в других предприятиях, проявили большую солидарность по отношению к бастующим товарищам, оказывая им не только моральную, но и материальную поддержку. С первого же дня забастовки общее собрание рабочих—печатников постановило отчислить 8% из своего месячного заработка в пользу бастующих фридманцев. Эта норма отчисления доходила кое-где, например, у рабочих типографии „Единение“ до 10%. Отчисление продолжалось в течение более 3-х месяцев.

13-го сентября союз получил от администрации типографии „Единение“ предложение передать разрешение вопроса о стачке на третейское разбирательство. Но при всем желании итти на предлагаемый суд правление союза, все же, не нашло возможным принять это предложение, т. к. в своем заявлении администрация ставила условием, чтобы при согласии на третейский суд рабочие должны стать на работу, кроме троих рабочих членов правления. На это правление союза не согласилось.

16-го сентября было созвано общее собрание бастующих типографии „Единение“ на котором ставился вопрос о передаче дела на третейский суд. После прений собрание вынесло решение: „Собрание предложение третейского суда принимает, за исключением вопроса об увольнении троих товарищей, каковой вопрос не должен подлежать обсуждению третейского суда, т. к. на предательство своих товарищей бастующие ни в коем случае не могут согласиться“,

Администрация типографии на это решение ответила, что она остается при своем последнем решении.

Ввиду такого ответа администрации типографии „Единение“, правление союза сообщило ей, что всякие переговоры с нею прерываются, места работающих в типографии об'являются под бойкотом, а рабочим разрешено поступать в другие типографии, т. к. безработных не имеется.

После этого вскоре же была ликвидирована забастовка у Фридмана. В требованиях сделана уступка. За забастовочное время уплачено полностью. Забастовка в типографии „Единение“ также ликвидирована: конфликт был передан на разрешение третейского суда. В обоих случаях рабочие получили полное удовлетворение своих требований. *)

*) „Печатник“ (Москва) № 6, 1917 г.

Забастовка на заводах Кракк и Воронцова в Пензе.

В конце мая была об'явлена забастовка на заводе Кракк и Воронцова, в Пензе.

Этой забастовке также предшествовали длительные переговоры и когда они не привели к желательным результатам, рабочими пред'явлены были требования о повышении заработной платы.

После месячных переговоров профессионального союза металлистов и Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов с владельцами завода соглашения достигнуть не было возможности.

На заводе была об'явлена стачка. Места стачечников об'явлены под бойкотом. Совет Рабочих Депутатов обратился с воззванием ко всем рабочим не занимать места бастующих и призывом жертвовать в стачечный фонд при Совете Рабочих Депутатов.

Эта забастовка в среде рабочих других производств нашла широкий отклик. Так, например, общее собрание рабочих и служащих пензенского узла Сызрано-Вяземской железной дороги 23 июня постановило:

„Оказать помощь товарищам, бастующим:

1) Отпустить из средств союза рабочих и служащих С.-Вяз. ж. д. пензенского участка 500 рублей. 2) Отчислять всю чистую прибыль кинематографа союза при ст. Пенза до конца забастовки товарищей. 3) Оказать помощь путем добровольной подписки в цехах по листам районного комитета и 4) Поставить предпринимателей и товарищей бастующих в известность путем печати, что железнодорожники не остановятся и в дальнейшем оказывать помощь товарищам бастующим".

Забастовка паровозных бригад С.-Вяз. ж. д.

В средине августа паровозные бригады пензенского участка Сызр.-Вяземской ж. д. также решили об'явить забастовку, вследствие недостаточной оплаты труда при крайней загруженности рабочего дня.

Узнав об этом решении, Паровозсоюз (Москва) телеграфно предложил отсрочить забастовку впредь до выяснения результатов переговоров с министром путей сообщения.

Это предложение, как будто сулившее что-то, внесло разнобой в ряды паровозных бригад, в умах которых вселилась надежда на успех дела путем простых переговоров. Забастовка была отложена

Забастовка паровозных бригад в переводе на более понятный язык означает полную приостановку ж. д. движения на линии, об'явившей стачку.

Для правительства это, конечно, дело не шуточное.

Поэтому вокруг предполагавшейся забастовки создалось чрезвычайно много шума, толков, заседаний местных советов, партийных комитетов и т. д.

Кто стоял за поддержку паровозных бригад, кто против, кто держался маскированной позиции „постольку, поскольку“, но всех откровеннее был центральный комитет Сызрано-Вяземской ж. д. (Калуга), который, с места, в карьер, заявил об отказе поддержать забастовку и даже больше—грозил репрессивными мерами стачечникам.

19-го августа общее собрание бригад, заслушав эту телеграмму, назвало отношение Ц. К. Сызр.-Вяз. ж. д. „полицейскими мерами“ и вынесло названному Ц. К. порицание.

Поданное в телеграф Пенза I для передачи в Калугу порицание, не было принято.

„Это лишило нас возможности, — говориться в постановлении собрания,—реагировать на жандармские выпады центрального комитета и поэтому мы вынуждены обратиться с освещением фактов отношения телеграфа—к союзу паровозной бригады“. (Москва).

В производственных союзах первым мотивом стачек, обычно, была борьба за 8-ми часовой рабочий день, а потом уже—за другие улучшения рабочего быта.

Стачка портных и картузников г. Пензы.

Большой интерес в этом отношении представляет стачка портных и картузников г. Пензы.

Еще 11 апреля на общем собрании швейников, или „Игла“, как тогда назывался союз, было принято такое постановление:

„Принимая во внимание, что 8-ми часовой рабочий день для пролетариата весьма важен, а в частности для портных, общее собрание портных и родственных ремесел постановило ввести 8-ми часовой рабочий день“.

Но так как предприниматели не шли на уступки, то уже 30-го мая на общем собрании был поставлен вопрос о стачке: когда ее об'явить—сейчас, весной, или осенью?

Большинство выступавших приводили следующие мотивы за стачку:

„Летнее время не так трудно прожить, бастуя, чем осенью. Если дело дойдет до стачки, то взять казенную работу, что будет подспорьем к стачке“.

Эти предложения были приняты, и владельцам мастерских и магазинов решено было пред'явить ряд требований о повышении жалованья и расценок сдельной работы.

16-го июня общее собрание постановило образовать стачечный фонд, с отчислением 2% с заработной платы каждого члена союза.

В этом месяце также решено было перевести всех со сдельной работы на месячную и вторично требовать введения 8-ми часового рабочего дня, „не останавливаясь перед стачкой“.

Предвидя забастовку, владельцы портновских предприятий 1-го августа заявили профсоюзу „Игла“ о намерении совместно с рабочими-портными соединиться в один общий профессиональный союз и совместно с рабочими открыть мастерскне, магазины, склады и т. п.

Обшее собрание профсоюза „Игла“ по этом вопросу в ответ предпринимателям вынесло следующее постановление:

1) „В виду того, что профессиональный союз рабочих есть классовая организация—никакого единения с противоположным классом предпринимателей ни в коем случае быть не может.

2) Если же найдутся такие предприниматели, которые пожелают реорганизовать свои мастерские на демократических началах, профессиональный союз пойдет им навстречу и такие мастерские возьмет под свое руководство“.

И так как владельцы мастерских, магазинов и вообще предприниматели не шли ни на какие уступки, то в начале сентября рабочие об'явили забастовку, причем еще за две недели до стачки, 19-го августа, правление союза пред'явило предпринимателям ряд требований: о введении 8-мичасового рабочего дня, уничтожении поштучной и поденной платы, о приеме и увольнении рабочих через профессиональный союз „Игла“, отмене внесезонного увольнения рабочих и т. д. (см. приложение № 8).

Аналогичные требования пред'явили и портные, независимо от профессионального союза „Игла“.

25-го августа владельцы картузно-шапочных мастерских и готового платья поставили союз „Игла“ в известность, что они, после тщательного обсуждения требований, пришли к заключению, что последние для них неприемлемы.

31-го августа правление „Игла“ пригласило предпринимателей портновского цеха для переговоров относительно пред'явленных требований, причем один из предпринимателей высказался так, что установить месячную работу никто из предпринимателей не согласен, а сдельно он готов надбавить 20%; другой предприниматель заявил, что сдельно он согласен прибавить 100%.

В общем, предприниматели предлагали различные условия, колеблящиеся от 20 и 100% надбавки на сдельщину, и упорно отмалчивались на все другие требования. Они решительно отвергали перевод рабочих на месячный оклад и введение 8-мичасового рабочего дня.

Правление, не придя к соглашению, прервало переговоры.

Создалось неопределенное положение. В конце-концов, при упорном нежелании предпринимателей, рабочие решили открыть кооперативную мастерскую.

Но она не могла занять всех рабочих.

Подавляющее большинство рабочих, все же, не было устроено.

Преследуя выгоду, владельцы мастерских и магазинов нашли выход из положения: они стали размещать свои заказы в уездах, среди неорганизованных портных и мастеров.

В результате такого штрейкбрехерства, первыми пострадали закройщики, расчитанные хозяевами.

Рядовые рабочие по этому поводу по адресу закройщиков говорили:

— Это вам за то, что вы призывали нас не бастовать!

Вследствие размещения пошивочных заказов в уездах и деревнях, перед портными г. Пензы встал вопрос о массовой безработице.

Хозяева подняли головы и в отношениях, их к рабочим стали замечаться вызывающие поступки.

24-го октября общее собрание „Иглы" постановило бойкотировать кустарей, что, впрочем, не привело ни к каким желательным результатам: кустари, как не входящие в союз и имеющие свои орудия производства (швейные машины и прочее), были неуязвимы.

Эта стачечная борьба швейников с предпринимателями закончилась только в конце ноября и то не полной победой, если не считать 8-мичасового рабочего дня, уже декретированного Советским правительствам. *)

Заканчивая очерк стачечного движения, охватившего многие предприятия г. Пензы, нужно еще раз подчеркнуть, что это движение поддерживалось рабочими не бастовавших предприятий с редким единодушием. Рабочие поддерживали бастовавших и морально, и материально. Только при этих условиях стачечники и могли достигнуть тех или иных успехов. Уезды в стачках не принимали никакого участия.

Выборы в Городскую Думу. В июле месяце происходили выборы в Городскую Думу.

Борьба между политическими партиями и общественными классами за места в Думе принимала обостренный характер: каждому классу, каждой политической группировке хотелось иметь свое большинство.

Об'единенные социал-демократы и эсеры выступали на выборах со списком № 8.

Большевики, вследствие своей слабой организованности, вызванной, главным образом, назначительным их числом, не могли еще выставить свой самостоятельный список.

Рабочие голосовали за список № 8, который собрал подавляющее количество избирательных бюллетеней и получил 75% всех поданных голосов (66 мест), кадеты—8.

Но Дума, получившая большинство с.-д. (меньшевиков), не оправдала надежд рабочих.

*) Арх. фонд Губотдела Союза Швейников. Протоколы за 1917 г.

С первых же дней началось меньшевистское топтание на месте.

В течение первых трех недель, напр., меньшевистско-эсэровская Дума, кроме еще далеко незаконченной процедуры выборов должностных лиц или распределения портфелей, ничего не сделала.

Меньшевики, не имея муниципальной программы и достаточной смелости, не знали, с чего и как начать.

Это топтанье на месте вызвало массу упреков Думе со стороны рабочих.

Да и нельзя было упрекать: нужны были смелые и решительные дела, а вместо них—только слова.

Например: неотложный вопрос о примирительной жилищной камере Дума удосужилась провести в жизнь только два месяца спустя, после своего избрания, но и то под давлением рабочих масс, на которых домохозяева нажимали и при социал-демократической Думе.

В настроении рабочих того времени, с выделением группы большевиков в Думе, стал намечаться перелом влево: рабочие инстинктивно угадали, что меньшевистская Дума почти ничем не отличается от старой купеческой и что социальные проблемы решаются не таким путем... В этом убеждали рабочих факты.

Примирительные камеры. Идея примирительных камер в Пензе не имела широкого применения; по крайней мере мы знаем только два случая образования примирительных камер и, к слову сказать, когда оба случая окончились благоприятно для рабочих.

Так, 23 июля благодаря примирительной камере, состоящей из представителей торгово-промышленного союза и торгово-промышленных служащих, забастовка служащих торг. дома Финогеева достигла успеха в короткий срок.

Т-ый дом Финогеева признал для себя обязательным подчиниться постановлению примирительной камеры.

Требования служащих были удовлетворены полностью.

27-го сентября образовавшаяся по инициативе Городского Продовольственного Комитета примирительная камера для устранения конфликта, возникшего между союзом рабочих хлебопекарного производства и владельцами хлебопекарень на почве пред'явления рабочими экономических требований, вынесла в заседании своем следующее постановление, обязательное для обеих сторон:

1) При выработке 4-х мешков муки в сутки, без подручного, пекарь получает 200 рублей в месяц при своем содержании и квартире.

2) Вменяется владельцам хлебопекарень иметь рабочих только состоящими членами союза, но если таковых в союзе не хватает, то предоставляется право взять и не состоящего в союзе.

3) Увольнение служащего из хлебопекарни не может быть про-

изведено без ведома союза; о добровольном уходе со службы рабочий должен, не позже чем за две недели, сообщить хозяину.

4) В случае порчи при выпечке хлеба по второму разу, хозяину предоставляется право увольнения рабочего без предупреждения за две недели.

5) При хлебопекарне для соблюдения гигиены желательно иметь отдельное место для рабочей одежды.

6) В воскресные дни работа не производится. В двунадесятые праздники работа производится, по соглашению, за отдельную плату.

7) В случае непристойного поведения служащего—площадной брани, появления в пьяном виде и т. п.—такой служащий удаляется с работы и выключается из членов союза."

Контроль над производством. Чем ближе к Октябрю, тем рельефнее обнаружилась и сильнее чувствовалась железная необходимость контроля над производством, но так как профессиональные союзы до Октябрьского периода этому вопросу не уделяли должного внимания, то контроль над производством ограничивался только исключительными случаями, как, например, это имело место на заводе Платовой, когда владелица завода, найдя невыгодным для себя удовлетворение требований рабочих, решила закрыть завод. По жалобе рабочих, С. Р., К. и К. Депутатов не согласился с доводами Платовой и назначил комиссию для обследования дел завода с тем, чтобы если он ощущает недостаток в заказах, изыскать их.

Но, в общем, это незначительное количество об'явления контроля над производством об'ясняется тем, что большинство профсоюзов было увлечено стачечной борьбой с предпринимателями, а все рабочие —быстро-меняющимся калейдоскопом событий. Эти события—что для всех было ясно—не могли остановиться только на Февральских позициях.

Профсоюзы после Октябрьской революции.

До Октябрьской революции задача профессиональных союзов сводилась исключительно к организационной борьбе за экономические интересы путем выработки различных тарифов и проведения их в жизнь через Совет Союзов, и уже на втором плане была политическая сторона дела:

В общем, роль Совета Союзов в то время была слишком незначительна и не имела никакого авторитета в политической жизни не только всей губернии, но даже и одного города Пензы. Да и сам Совет Союзов организовался чуть-ли не накануне Октябрьской революции—16-го августа.

С началом пролетарской революции роль и задачи Совета резко, коренным образом, изменяются. Как только организованный пролетариат взял власть в свои руки, на плечи профессиональных союзов легла тяжелая и ответственная задача—наладить разрушенные 4-хлетней мировой войной народное хозяйство и принять самое активное участие в политической жизни страны. Таким образом, перед центром организованных рабочих масс—Советом Союзов—помимо общего руководства деятельностью профессиональных союзов был поставлен и хозяйственно-политический организационный вопрос, и Совет Союзов горячо принялся за это. Перво-наперво перед Советом встал вопрос об об'единении всей распыленной и разобщенной массы профессиональных союзов города и губернии. За отсутствием точного учета, которого Совет Союзов до Октябрьской революции не вел, и, принимая во внимание, что довольно значительная часть профсоюзов переживала, или находилась еще в стадии организационного оформления—задача об'единения была не из легких. И, тем не менее, к моменту первого Всероссийского с'езда профессиональных союзов в январе месяце 1918 года Пензенский Совет Союзов об'единяет уже 16 профессиональных союзов, с общим количеством членов около 8.000 человек. После этого с'езда более рельефно определились и задачи профессионального движения, т. к. самим актом Октябрьской революции роль профсоюзов определилась, как роль органов социалистического строительства. После этого же с'езда начинается перестройка союзов по производствам, а не по цехам, как они строились до Октябрьской революции.

Конструкция губернского Совета профессиональных союзов была следующая: он состоял из представителей всех профессиональных союзов, входящих в его состав, по норме: союзы, насчитывающие до 200 членов, делегировали одного представителя, от 200 до 500—двух, от 500 до 1.000—трех представителей, от 1.000 до 2.000—четырех представителей, и т. д., прибавляя на каждую тысячу одного представителя. Исполнительным органом совета являлся секретариат из 7 членов Совета, избираемых на 6 месяцев. Секретариат, а также и Совет разбивали свою работу на 6 отделов. Отделы эти следующие: 1. Организационно-инструкторский с контрольным п/отделом. 2. Тарифно-нормировочный. 3. Конфликтный. 4. Рабоче-контрольный. 5. Культурно-просветительный. 6. Хозяйственный и мандатный.

Но прежде всего, главное внимание Совета было устремлено на необходимость проведения в жизнь принципа правильного распределения рабочей силы, т. к. существовавшая до этого времени в городе Пензе Биржа Труда на паритетных началах, т.-е. на началах равного представительства как со стороны нанимателей, так и лиц, ищущих

работу, не отвечала своему назначению. Совет Союзов немедленно принялся за организацию биржи и, благодаря опыту и энергии выдвинутых товарищей, с этой работой было быстро покончено и работу ее удалось поставить на значительную высоту сравнительно в короткий срок. Такое внимание Бирже со стороны Совета Союзов об'ясняется тем, что к моменту Октябрьской революции вопрос о безработице стоял очень остро. По крайней мере, нам известно по оффициальным данным, что к марту месяцу 1918 г. количество безработных по гор. Пензе уже было 3.451 человек, из них ищущих работу впервые —770 человек. Большинство всего—чернорабочих (30%), затем идут металлисты (14%), и лица конторского труда (12%). Из общего числа безработных: мужчин 61%, женщин 39%. И благодаря энергичной деятельности Биржи Труда, ею за три месяца своего существования—декабрь—январь и февраль, удалось из этой массы безработных устроить на места 1.109 человек. Одновременно с этим встал и другой, более серьезный вопрос —вопрос немедленной организации Касс Социального Страхования и их об'единения. Эта работа тоже была не из легких, но Совет Союзов также быстро справился с ней, организовав Кассу безработных и больничную. Вся работа названных касс протекала при участии Совета Союзов.

Помимо этого, в первые месяцы Совета Союзов после Октябрьской революции, со стороны его были неоднократные попытки двинуть и культурно-просветительное дело, т. к. запросы рабочих масс настойчиво требовали этого, но вследствие того, что значительная часть руководящего ядра профессиональных союзов была оторвана и втянута в организационно-политическую работу, культурно-просветительное дело не могло быть двинуто в такой мере, в какой хотелось бы Совету Союзов.

Кроме того, тут были и другие помехи в этом направлении: первая—отсутствие опытных работников, знакомых с делом, вторая—отсутствие средств, т. к. Совет питался исключительно из отчислений процентов, входящих в состав его союзов. Притом же, в первые месяцы Советской власти в Совете Союзов не было недостатка и таких представителей, которые не хотели работать в интересах пролетариата и сознательно саботировали, стараясь так или иначе внести расстройство в ряды профсоюзов. Но, все-же, не смотря на это, Совет Союзов нашел возможным и открыл Центральный Рабочий Клуб „Интернационал“ (ныне Губдом крестьянина) и стал выпускать двухнедельный журнал „Пролетарий“.

Особенно трудна была работа Совета Союзов по слиянию профессиональных организаций с Советом. Это слияние закончилось в полной мере только к концу 1918 года. Так, напр., не смотря на не-

однократные попытки со стороны Совета Союзов привлечь к совместной работе союз писчебумажников и союз служащих и рабочих экспедиции заготовления государственных бумаг, Совету до декабря месяца не удавалось сделать этого. Так названные союзы и существовали, не имея никакой связи с Советом.

О других сторонах деятельности Совета мы будем еще несколько раз говорить в дальнейшем.

Развитие коллективных договоров. Как известно, 17 и 18 годы были годами быстро падающей валюты. В связи с растущей дороговизной жизни, за которой не могла угнаться никакая тарифная ставка, вопрос о нормировке платы уже в начале Февральской революции требовал к себе исключительного внимания со стороны профсоюзов. Но в то время этот вопрос еще только становился на очередь, находился в стадии разработки и работа союзов сводилась, главным образом, к двум вопросам: поднять заработную плату и уравнять оплату труда для лиц одинаковой профессии и одинаковой специальности. Но одно поднятие зарплаты без соответствующего поднятия производительности труда не оправдывает цель. Отсюда идея возникновения коллективных договоров, как могучего средства в руках организованного пролетариата—правильно определить как норму выработки, так и норму вознаграждения. Необходимость коллективного договора, определяющего собою все условия труда, а также устанавливающего норму выработки, ощущалась довольно остро. К тому же побуждало и обилие конфликтов, возникавших вследствие введения 8-мичасового рабочего дня, отсутствия коллективных договоров и ряда других причин, из которых падающая валюта и отсутствие на рынке достаточных запасов хлеба и продовольствия играли не последнюю роль.

Ввиду того, что в Пензе отдельные профсоюзы не имели под руками соответствующих указаний о коллективных договорах, последние составлялись недостаточно продуманно. На этой почве были случаи заключения или кабальных, невыгодных для рабочих, договоров, или же эти договора не исчерпывали и не обусловливали всего, что в них должно быть оговорено.

Поэтому, 28-го марта Совет Профсоюзов поставил в известность все правления союзов и предпринимателей, что все заключенные правлениями профсоюзов тарифные договоры с предпринимателями должны представляться на рассмотрение и утверждение Совета Профсоюзов, без чего они считаются недействительными.

Попутно Совет еще раз напомнил правлениям союзов, не входящим в состав Совета, немедленно представить на регистрацию свои уставы и, по утверждении таковых, делегировать в Совет своих пред-

ставителей. Как же разрешился вопрос в Пензенском Совете Профсоюзов о коллективных договорах? Вышеприведенное извещение уже говорит само за себя, что с марта месяца все расценки на труд начали проходить через Бюро Совета, которое руководствовалось следующими соображениями: 1) повышение и уравнение ставок, 2) установление нормы выработки и 3) проведение в жизнь всех завоеваний рабочего класса. Порядок утверждения коллективных договоров был установлен следующий:

Каждый коллективный договор, разработанный правлением союза и одобренный общим собранием, подается на совместное рассмотрение с предпринимателями (частными лицами или правительственными учреждениями—безразлично). В 7-мидневный срок предприниматели дожны приступить к обсуждению его. После того, как договор принят и подписан предпринимателями, или в случае резкого расхождения во взглядах, коллективный договор передается в Тарифно-Нормировочный Отдел Совета Союза, утверждение которого является знаком того, что данный договор вообще не противоречит интересам всех рабочих данной местности, а затем передается на окончательную санкцию комиссару труда.

Коллективный договор производится только союзными организациями.

Без утверждения коллективного договора Советом Союзов и комиссаром труда, тариф не имеет ни для рабочих, ни для предпринимателя обязательную силу.

Приведем некоторые наиболее важные пункты коллективных договоров, заключенных профессиональными союзами рабочих и служащих гор. Пензы:

„Примечание к § 1. В случае об'единения уездных союзов с губернским, коллективный договор распространяется на всю губернию с соответствующим процентом понижения тарифной ставки.

2. Договор вступает в силу со дня его утверждения губернским комиссаром труда и с этого момента действителен в продолжение 4-х месяцев.

3. В течение этого срока договор может быть изменен только с согласия обеих сторон.

Примечание: Пункт о тарифных ставках может быть пересмотрен, в случае резкого колебания цен, по заявлению одной из сторон.

4. Всякое изменение договора производится тем же порядком, что и утверждение, т. е. местными Советом Союзов и комиссаром туда.

5. За две недели до истечения срока договора стороны (или одна из них), должны предупредить о своем желании пересмотреть его,

в противном случае договор автоматически продолжает действовать в течение одного месяца после окончания его действия.

7. Для разбора недоразумений, наблюдения за выполнением тарифа, изменением, дополнением и проведением правил внутреннего распорядка, рассмотрение вопроса о найме и увольнении служащих, наблюдение за санитарно-гигиеническими условиями труда—создается особая местная надзорная комиссия.

8. В состав местной надзорной комиссии входят представители от рабочих и служащих данного предприятия.

11. Прием рабочих производится исключительно через соответствующую секцию профессионального союза на Бирже Труда.

12. Увольнение рабочих может быть только в следующих случаях: а) при сокращении штатов, б) при ликвидации дела, в) в случае неблаговидных поступков, по предложению надзорной комиссии и профессионального союза.

13. Право увольнения принадлежит профессиональному союзу.

15. Для всех рабочих устанавливается 8-ми часовой рабочий день, для служащих конторского труда—6 часов.

16. По субботам устанавливается 6-ти часовой рабочий день.

18. Для всех рабочих и служащих устанавливается месячная система оплаты труда с выдачей жалованья 1-го и 15 числа.

19. За квартиру и стол из оплаты труда рабочих и служащих удерживаются суммы согласно расценки жилищного отдела и действительной стоимости.

20. С введением настоящих ставок, отменяются все прочие скрытые виды содержания, как-то: все прибавки, военные, процентные и на дорговизну, всякое добавочное вознаграждение за нетрудоспособных членов семьи, наградные за выслугу лет и проч.

21. Отменяются раз навсегда получение содержания одновременно по нескольким должностям и вознаграждение за присутствие на каких быто ни было совещаниях и комиссиях.

22. Для всех рабочих и служащих деление в отношении заработной платы устанавливается на 5 групп, с подразделением каждой группы на 3 категории.

Для проведения нормировки заработной платы в жизнь предприятия, а также для распределения по группам и категориям, учреждается расценочная комиссия, состоящая из представителей рабочих и служащих данного предприятия по выборам, представителей заводоуправлавления, по назначению последнего из среды администрации того же предприятия на правах равных сторон, хотя бы и в неравном числе.

25. За определенное вознаграждение рабочие и служащие гарантируют определенную норму производительности.

30. На работу допускаются лишь достигшие 14-ти лет, рабочий день для учеников подростков устанавливается в 6 часов, остальные два часа посвящаются обязательно общему и профессиональному развитию подростка.

Губернская касса безработных. Геберпская касса безработных организовалась в мае месяце 1918 г. Организационное собрание состоялось 11-го мая, где и был определен состав губернской кассы безработных. Комитет составился из представителей от больничной кассы, заводских комитетов и профессиональных союзов исходя из определенной нормы представительства от каждой из упомянутых организаций, Пензенский Губернский Комитет кассы безработных был сконструирован в количестве 18 представителей, из коих: 4 от заводских комитетов, 4 от больничной кассы и 10 от профессиональных союзов. На организационном заседании был принят проект устава и инструкция для начального руководства деятельности правления.

Правление было избрано в количестве 3-х лиц.

Функционировать касса безработных полным темпом начала только с 18-го июня, с какого времени и стали поступать взносы от работодателей.

Первое время взнос работодателей был установлен, по примеру столичных касс, с постоянных рабочих и служащих 4% и 6% с сезонных.

Взимание процентов производилось, согласно декрета о страховании рабочих на случай безработицы, с 13 декабря 1917 года.

Стараясь дело сбора процентов в кассу безработных поставить на должную высоту и чтобы ни один плательщик не мог ускользнуть от уплаты, правление на первое время привлекло к работе ряд сотрудников, которые, по данным, полученным от городской продовольственной коллегии о домашней прислуге, и данным, полученным от Совнархоза о торговых и промышленных предприятиях, обходили плательщиков, вручая им анкеты и отбирая подписку в получении анкет.

По этим данным и подпискам, был поставлен контрольный отдел, которому уже и был передан контроль за правильным и аккуратным поступлением средств.

Первое время была главная цель укрепить деятельность кассы в городе и только позднее начал разрабатываться проект об утверждении филиальных отделений в уездах.

К концу года филиальные отделения были открыты в 8-ми уез-

дах: Саранском, Керенском, Чембарском, Городищенском, Н.-Ломовском, Краснослободском, Наровчатском и Мокшанском.

При этом надо заметить, что согласно решению последнего областного с'езда касс социального страхования, в ведение пензенской губернской кассы безработных были переданы два уезда Саратовской губернии—Кузнецкий и Сердобский.

В первое время поступления в кассу были незначительны (на 1-е октября 539.110 рублей 61 коп.). На это же число недоимок за учреждениями и разными нанимателями—198.497 руб. 60 коп.; особенно велика была недоимка за частными лицами, которые на 1-ое октября были должны 181.620 руб. 87 коп.

Надо думать, последнее обстоятельство—неплатеж—об'ясняется исключительно новизной дела для частных лиц, которые никогда прежде не вносили страховки за своих рабочих и служащих.

Количество плательщиков в кассу безработных в городе Пензе было: частных лиц, имеющих домашнюю прислугу, 1987, предприятий 474 и учреждений 270.

Безработных на 1-е октября того-же года, по данным статистики Биржи Труда, значилось 3.597 человек, из коих женщин 2.161, мужчин 1.436.

Виды помощи, какие оказывались кассой безработным, выражались в выдаче обедов на 300 человек (обеды из двух блюд), дров через содействие секции по топливу при Совнархозе и денег. Кроме того, был открыт ночлежный дом на 70 человек. Но, все-же, все эти виды помощи, ввиду ограниченности средств кассы (каждый обед безработному обходился в два рубля), не достигали большого эффекта. Поэтому кассою, во-первых, принимались все меры к получению недоимок, опубликовано было воззвание к рабочим и гражданам с просьбой жертвовать возможное из одежды и обуви, а также приступлено было к организации починочных мастерских—портновской и сапожной, где безработные могли-бы хоть что-нибудь заработать.

Между прочим, здесь нельзя не отметить, что в первое время громадный процент средств кассы пожирала канцелярия. Так, например, из 539,110 руб. 61 коп. на 1-е октября на жалованье служащим канцелярии и проч. расходы по управлению кассою израсходовано 73.519 рублей 35 коп. В „искусстве“ разводить канцелярщину не отставали и уезды. Так, например, саранское отделение кассы из 50.180 рублей 78 коп. прихода на 1-е октября, сумело израсходовать на канцелярию 8.238 руб. 19 коп., а пособие безработным выразилось только в сумме 247 руб. 50 коп.

Нужно оговориться, что, ввиду неточного учета классового и

социального состава безработных, были злоупотребления со стороны безработных, из коих некоторые не нуждались ни в каких видах помощи.

Поэтому, 1-го декабря 1918 года губернская касса безработных выработала особую инструкцию, в которой предусматривалось, какой категории безработных и в какой мере надлежит выдавать пособие.

Фабрично-заводские комитеты.

Вопрос о взаимоотношениях профсоюзов [и заводских комитетов долгое время оставался не урегулированным—то профсоюзы вторгались в сферу деятельности фабзавкомов, то фабзавкомы претендовали на первенство в руководстве профдвижением. Неопределенность положения фабрично-заводских комитетов в первое время их возникновения, явно нуждалась в какой-либо регламентации прав и обязанностей названных комитетов.

Поэтому на конференции фабрично-заводских комитетов 25-го января был разработан и принят следующий устав пензенского Совета фабрично-заводских комитетов.

Вот этот устав, который мы приводим, опуская малозначащие приказы:

„Цель Совета.

1. Совет ф.-з. комитетов ставит себе целью: 1) руководство деятельностью ф.-з. комитетов и наблюдать, чтобы они не уклонялись от своих задач; 2) защищать права ф.-з. комитетов; 3) оказывать содействие отдельным комитетам при разрешении ими местных вопросов; 4) содействовать организации ф.-з. комитетов во всех существующих предприятиях; 5) производить статистические обследования, с целью выяснения состояния заводов, фабрик и мастерских; 6) наблюдать за правильным ведением контроля над производством в отдельных предприятиях; 7) устанавливать правильные взаимоотношения между ф.-з комитетами и профессиональными союзами, а также и другими рабочими организациями; 8) участвовать в образовании рабочих организаций и в частности хозяйственных (Сов. Нар. Хозяйства); 9) знакомить рабочую массу с вопросами профессионального движения и экономической политики; 10) содействовать поддержке авторитета С. Р. С. и К. Д.; 11) брать на себя представительство общих интересов ф.-з. комитетов перед всеми местными общественными и государственными учреждениями и 12) устраивать в этих целях конференции и с'езды.

II. Деятельность Совета распространяется на г. Пензу и губернию.

Состав Совета.

III. Совет состоит из 11 членов, избранных на отдельных фабриках ф.-з. комитетом из состава их членов, президиум—из председателя двух его товарищей, секретаря и его заместителя.

Средства Совета.

X. Средства Совета составляются из ежемесячных отчислений рабочих и предпринимателей, а также и из специальных сборов.

Ревизионная Комиссия.

XI. Для ревизии кассы и отчетности общее собрание выбирает ревизионную комиссию в составе 3 членов."

Первая конференция заводских комитетов состоялась 5 января 1918 года.

На конференции было отмечено, что в большинстве предприятий производительность труда осталась неизменной и только на железных дорогах имеется повышение. По сообщениям делегатов, фабрично-заводские комитеты в среде рабочих пользуются большим авторитетом; администрации не только приходится прислушиваться к их голосу, но и считаться с их постановлениями Контроль над производством в большинстве предприятий не проводится.

Перевод заводов на мирное положение еще не ведется в должной мере, а если ведется, то неорганизованно и непланомерно.

Сокращение рабочих производится только на Трубочном заводе и заводе Лебедева. Железных дорог безработица коснуться не может. Участие рабочих в профсоюзах почти поголовное.

Больничная помощь в большинстве случаев не удовлетворительна, во многих заводах даже нет больничных касс.

Закрыт пока один завод—галстный.

Приходится отметить, что деятельность фабрично-заводских комитетов, в первый месяц—январь—отличавшаяся энергичным участием в делах профсоюзного строительства, впоследствии ослабела.

Так например, на назначавшееся на 18-е февраля открытие общегородской конференции фабрично-заводских комитетов прибыла только одна треть делегатов, и за неприбытием кворума, конференция не состоялась.

Фабкомы и национализация предприятий.

Как-же конкретно выражалась деятельность фабрично-заводских комитетов?

Здесь небезынтересно вспомнить еще и первоначальный момент как складывались фабкомы.

Подробные воспоминания об этом нам дает М. А. Кузнецов, один из активных работников писчебумажной фабрики быв. Сергеева.

Воспоминания эти обнимают собою период времени конца февраля и начала октября.

„В Пензу я приехал с фронта 15-го августа 1917 года,—рассказывает он.

Сначала с передовых позиций меня направили в запасный полк, и оттуда я попадаю на свое родное производство (машинист газгенератора писчебумажной фабрики).

Знакомлюсь с настроениями товарищей-рабочих, с которыми не виделся три года.

И что же?

В то время, когда у нас на фронте лозунгом дня по отношению к войне было: „Долой войну!„—здесь все еще пережевывали соглашательское: „Война до победы".

Из бесед с рабочими убедился, что они, находясь во власти меньшевистских настроений, исповедуют оборонческие взгляды на войну.

На фабрике во всю работали меньшевики и эсеры; они же были в большинстве и в фабрично-заводском комитете.

Стал я собирать инициативную группу рабочих, вести среди них агитацию за переизбрание комитета и за установление рабочего контроля на производстве.

В инициативную группу большевистски настроенных рабочих, кроме меня, входили: А. Е. Спиридонов, С. Т. Селифонтов, М. А. Кузнецов, А. М. Фролов, Г. П. Тихонов, М. М. Иванов и Н. А. Лялина.

Не прошло и двух-трех недель, как в настроении рабочих фабрики обозначился резкий перелом в нашу сторону.

Учтя момент, 13 сентября мы добились постановки вопроса о перевыборе комитета, и в последний прошли в полном составе вышеперечисленные товарищи.

К концу сентября меньшевистский уклон среди некоторых групп рабочих стал изживаться совсем, и линия профессиональной работы пошла уже другая.

Стали мы вводить контроль над производством и вести подготовительную работу—взять на себя управление фабрикой.

Хотя настроение рабочих и было большевистское, но, если считать по партбилетам, то ни одного большевика накануне Октябрьской революции на фабрике, все же, не было, хотя в городе уже месяца три тому назад организовалась группа социал-демократов (большевиков).

Когда в Петрограде совершился переворот в октябре 1917 года, мы тут же сорганизовали при фабкоме контрольную комиссию по управлению производством.

В комиссию вошли: я, Бакулин и Волков, Н. М.

Хозяйство фабрики берет в свое ведение фабком и все делается только с его разрешения через контрольную комиссию.

Всем было об'явлено, что без подписи председателя контрольной комиссии Кузнецова ни в каком случае не будет производиться выдача денег никому.

Хозяева и администрация взбеленились.

Управляющий фабрикой Вольценбург, прибежав в кассу, где его распоряжения уже не выполнялись, в большой ярости кричал:

— Кто имеет право меня контролировать?

— Рабочие,—последовал ответ.

Но вскоре все уладилось, старая администрация в декабре уже работала под руководством фабкома и контрольной комиссии не за страх, а за совесть.

Вскоре же после Октябрьских дней мы сформировали из рабочих для внутренней охраны отряд Красной гвардии в 65 человек.

До 1918 года во главе отряда стоял я, а в январе названного года меня сменил тов. А. А. Спиридонов.

Я ушел к станку.

Когда проезжали через Пензу 17 эшелонов оренбургских казаков, мы с своим отрядом принимали активное участие в разоружении их.

Вызовом на разоружение тогда были тревожные свистки по всем фабрикам, заводам и на ж.-д. станциях.

Бывало, как заслышим свистки, немедленно хватаем оружие и спешим к Губисполкому, где и получали назначение, какому отряду и куда идти.

12-го февраля 1918 года наш отряд был в числе охраны Совета, когда знаменитый в Пензе крестный ход хотел войти в Совет и разоружить его.

Принимал участие наш отряд и в чехо-словацком бою. Чехо-словацкое восстание, как и весь город, застало нас врасплох.

Мы, красногвардейцы фабрики, к Губисполкому пробирались уже через цепь чехо-словаков без оружия, потому что иначе нас чехи или арестовали бы, или перестреляли.

В Губисполкоме нам дали винтовки.

Часть нашего отряда заняла караул госбанка, другая часть пошла в бой.

В бою двое были убиты: Михаил Петрович Тихонов и Николай Ладилов; трое были взяты в плен: Федот Вошкин, Сергей Селифонтов и третьего фамилию не помню.

По окончании боя, когда чехи заняли город, тов. Спиридонов собрал рабочих фабрики, говорил о поражении, об убитых и взятых в плен рабочих фабрики.

Меньшевики, воспрянувшие духом, злорадно прервали речь:

— Туда им и дорога!

Это по адресу убитых и раненых.

Злорадство меньшевиков вызвало взрыв возмущения рабочих, и когда меньшевики выступили с предложением организовать новую власть—городское самоуправление—их предательство было встречено гробовым молчанием.

Даже Вольценбург, управляющий фабрикой, несколько месяцев тому назад возмущавшийся введением рабочего контроля, и тот проявил большее участие в судьбе пленных, чем меньшевики.

Он сказал:

— Что-ж, ребята, надо выручать товарищей! Они пошли защищать город, и мы должны защитить их.

И верно—к вечеру того же дня пленных мы выручили на свободу.

После этот самый Вольценбург работал у нас на фабрике в качестве управляющего до 1923 года, а теперь—во Внешторге от Ленинградского Бумтреста.

Рабочие умеют ценить честных спецов.

С обучением рабочих владеть оружием нам пришлось повозиться порядочно.

В первое время были даже несчастные случаи, из которых один закончился довольно печально: один рабочий, не зная приемов разряжать винтовку, нечаянно выстрелил и убил другого.

В августе 1918 года 21 красногвардеец нашего отряда ездили в Саратов на подавление мятежа.

Но вернемся еще раз назад, чтобы точнее уяснить, в каком положении находилась фабрика до Октябрьской революции.

Фабрика эта принадлежала товариществу на паях, в которое входили капиталисты: Сергеев, Асеев, Ашанин, Карпов и некоторые служащие конторы фабрики.

Главным воротилой всего дела был Асеев.

У товарищества была своя ревизионная комиссия.

Когда за несколько дней до Октябрьской революции эта комиссия проревизовала дела фабрики, мы, члены фабкома, сказали им:

— Теперь вы больше не хозяева!

После Октябрьской революции, на второй или третий день, на фабрику приезжал Асеев, но, не зайдя в правление, уехал.

Больше мы его и не видели.

Как я уже сказал вначале, все служащие фабрики, начиная с управляющего, вскоре же подчинились новому управлению, и фабрика работала без перебоев прежним темпом.

Никто из пайщиков и старых служащих арестован не был.

С первого же дня национализации фабрики, фабком приступил к тщательному учету имущества. Все было переписано до мельчайших предметов, за всем был установлен рабочий надзор.

В серьезных случаях фабком ставил решение вопросов на общие собрания рабочих.

Поэтому никаких злоупотреблений на нашей фабрике, в смысле пропажи имущества и проч., не было„.

О национализации типографий дает воспоминания Г. П. Яковлев: „Еще в начале 1918 г., когда существовал „Совет 120“, я, как уполномоченный типографии Раппопорт и председатель фабкома, входил в Совет с докладной запиской о национализации типографий.

Вопрос этот Советом был решен в положительном смысле только в сентябре 1918 г.

Замедление с национализацией типографий вызывало раздражение рабочих.

После постановления Совета, мы тут-же приступили к проведению национализации типографий: раппопорт,где печатались кадетская „Речь“ и лево-эсеровский„ Набат“, затем типографии Соломонова и после—Малкина.

Произведя учет и опись принятого имущества, комиссия по национализации передала все типографии специальной коллегии по управлению последними.

В коллегию входили: Г. П. Яковлев, П. И. Уточкин, П. Рожнов, А. Ершов и Максим Волхонов.

После этого, хозяева были удалены, отстранены от управления, при чем некоторые, по соглашению с коллегией, остались как технические работники. Структура управления типографиями была выработана такая: для всех типографий заводоуправление (коллегия) одно, но при каждой типографии был поставлен технический руководитель (технорук), по назначению коллегии, который и подчинялся последней..,

Тем же порядком происходила национализация и других предприятий.

Несколько иначе обстояло дело только на текстильных фабриках,

Нужно заметить, что до конца 1918 г. правление союза текстилей находилось в Симбирске и об'единение это называлось Союзом рабочих волокнистых веществ.

И только к концу 1918 г. из данного об'единения выделилась группа фабрик Пензенской и Саратовской губерний, открыв свое губернское союзное отделение на фабрике „Красный Октябрь“ (б. Асеева). Впрочем, вскоре же правление перенесло свою резиденцию в Пензу.

По воспоминаниям И. Н. Маслова, национализация фабрик произошла при следующих обстоятельствах: „Еще в 1917 г. на всех фабриках был введен контроль над производством через посредство контрольных комиссий, выбранных из рабочих и служащих. Таким образом, управление было смешанное—контрольные комиссии и хозяева.

Так продолжалось до начала 1918 г., когда, в общем, хозяева

чувствовали себя на фабриках, как дома, нередко игнорируя распоряжения контрольных комиссий, которые они просто не хотели признавать.

Но в начале 1918 г. соотношение сил резко меняется.

С фронта пришли большевистски настроенные рабочие-солдаты, которые вопрос поставили прямо:

— До каких же пор мы будем терпеть хозяев?

Угадав, что им больше нечего делать, что Октябрьская революция—„в серьез, надолго и навсегда", часть хозяев скрылись, уехали, кто куда.

Первым скрылся Асеев.

Это обстоятельство—бегство хозяев—исключило все дальнейшие моменты борьбы за национализацию, которая и была закончена в короткий срок.

Ведение дел фабрик взяли на себя заводоуправления из рабочих и служащих (обычно,—три рабочих и два специалиста, или же два рабочих и один специалист).

Национализация фабрик сознательной частью рабочих была встречена с воодушевлением."

Профсоюзы и организация Красной гвардии.

С момента перехода власти к советам, в Пензе и на отдельных фабрично-заводских предприятиях губернии, по инициативе самих рабочих, начинают организоваться отряды Красной гвардии для внутренней охраны.

Особенно сильным толчком к организации Красной гвардии послужили события в Самаре и необходимость, вследствие этого, придти на помощь самарцам в их борьбе с контр-революцией.

Тут уже начинается формирование красногвардейских отрядов для обороны революционных фронтов не только в Пензенской губернии, но и за пределами ее. С 20-го января 1918 г. по гор. Пензе была об'явлена запись в красную гвардию и эта запись сразу же дала существенные результаты.

Заводы и фабрики гор. Пензы, отчасти и губернии, выражали готовность, все как один, стать на борьбу с контр-революцией.

Вот, например:

„Собрание рабочих, мастеровых и низших служащих мастерских из депо С.-В. ж. д., 26-го января, обсудив вопрос о посылке революционного отряда в города Троицк и Челябинск по борьбе с контр-революцией, возглавляемой Дутовым, постановили: приветствовать постановление Пензенского Губернского Совета Р. С. и К. Д.; выделить часть товарищей из отдельных цехов с этой целью".

Собрание рабочих Трубочного завода постановило:

„Послать охотников в советские отряды.

Цехи и служащие самостоятельно решат вопрос о количестве таких охотников".

На Золотаревской, Городищенского уезда, и Боголюбовской, Чембарского уезда, фабриках организовались отряды Красной гвардии, оба в 81 человек.

Профессиональный союз „Шило" немедленно же приступил к организации Красной гвардии „для защиты революции и всех ее завоеваний", как говорится в постановлении собрания.

Рабочие станции С.-В. и Р.-У· ж. д. деятельно разоружали казацкие эшелоны.

В связи с выступлением немцев и началом революционной войны, на Советской площади состоялся грандиозный митинг рабочих города Пензы.

После жарких дебатов, в которых принимали участие представители всех социалистических партий, рабочие приняли резолюцию большевиков и левых эсеров:

„Обсудив вопрос о наступлении войск, предводительствуемых германскими империалистами, и об условиях мира, предложенных последними, собрание рабочих гор. Пензы признает условия мира неприемлемыми, и требует об'явить революционную войну против мирового империализма, обещая в этом поддержку всеми средствами, имеющимися в руках революционных рабочих, солдат и крестьян".

Впоследствии, когда рабочие разобрались, почему Советское правительство вынуждено подписать Брестский договор, мнение их о последнем стало иным.

Приведем пример:

Рабочие Ново-Трубочного завода по поводу Брестского мира уже приняли следующую резолюцию:

— „Приветствовать Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет; признать правильным действия Советской власти в области внешней политики. Не смотря на то, что подписанный мир является несчастным, порабощающим Россию экономически, Советская власть, не имея организованной Красной армии, не могла иначе поступить, как сделать передышку и начать готовить крепкую Красную добровольческую армию для борьбы с мировым империализмом".

Такого рода резолюции выносились рабочими всех железно-дорожных узлов, фабрик, заводов и предприятий Пензенской губернии.

Не надо забывать, что в то время действиям Советской власти в сильной степени открыто противодействовали меньшевики и эсеры, которые всюду и везде, выступая на рабочих митингах, критиковали

все, что исходит от Октябрьской революции. Но инстинкт и сознание рабочего верно подсказывали ему, за кем идти и кому вверить свою судьбу.

Профсоюзы и Чехо-Словацкий мятеж.

Перейдем теперь к Чехо-Словацкому восстанию. Первое выступление чехов было 26 мая в Челябинске, а 28-го началось по линии Пенза-Ртищево. В Пензе чехо-словацкие эшелоны расположены были в районе Р.-Уральского вокзала. 27-го мая чехо-словакам было предложено сдать оружие. Чехи наотрез отказались выполнить это распоряжение, и на следующее утро, 28 мая, был издан приказ об осадном положении в Пензе. Через час все улицы города были пусты. Первые выстрелы со стороны чехов были в автомобиль председателя Губчека т. Козлова, об'езжавшего город. Это было у Татарского моста. Сотрудники Губчека из пулемета ответили. Завязалась перестрелка. Весь день 28-го был проведен в усиленной подготовке к бою. Над городом стоял сплошной вой тревожных гудков, фабрик, заводов и паровозов. На фабриках и заводах наскоро формировались отряды и отправлялись для занятия позиций внутри города, на Поповой (ныне Боевой) горе и т. д.

Спешно по городу проводилось рытье окопов, разбирались мосты через речки. На заре 29-го мая завязался горячий бой, и к полудню этот бой принял ужасные размеры. Стоял беспрерывный шум от ружейных выстрелов, треск пулеметов и грохот от артиллерийских выстрелов.

В этот день пролетариат гор. Пензы получил свое первое боевое крещение в борьбе за власть советов.

Рабочие отряды Красной гвардии дрались храбро, и если не выбили чехов из города, то только потому, что последние превосходили рабочих и численностью, и военной подготовкой.

В этот день потери со стороны красногвардейцев были в 138 человек. Трупы их были выставлены в Земской (Советской) больнице для опознания.

На другой день боя, 30-го мая, не смотря на то, что город находился еще во власти чехо-словаков, пензенские печатники, на свой страх и риск, выпустили „Бюллетень Пензенского Союза Рабочих Печатного дела", в котором мы находим следующие строки:

„Трагические события в Пензе оставили временно население города без газет. Желая заполнить этот пробел, Пензенский Союз рабочих печатного дела приступает к выпуску своего бюллетеня.

Становясь на работу, мы приглашаем и других пензенских рабочих последовать нашему примеру.

В то же время мы предлагаем товарищам зорко следить за всеми контр-революционными выступлениями. Мы должны, товарищи, помнить, что контр-революционеры не дремлют и, пользуясь настоящим

моментом—отсутствие какой-бы то ни было власти—могут сделать попытки мобилизации своих темных сил. Нам может угрожать неменьшая опасность и со стороны поддонков общества, желающих использовать этот момент в целях погрома. Мы должны быть на страже против тех и других, следить за теми и другими.

Итак, товарищи, будьте бдительными! Не допускайте, чтобы бессовестная агитация захватывала бессознательные элементы города! Будьте на страже свободы и революции!".

На этом призыве—будьте на страже свободы и революции!—призыве, который и сейчас, пока не грянет гром социальной революции во всем мире, является для пролетариата его первым боевым лозунгом,—мы и закончим очерки из истории профессионального движения в Пензенской губернии.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Приложение № 1.

Воззвание Пензенской группы Российской Социал-Демократической рабочей партии.

Сегодня, Первого Мая,—1902 года,—по всей России, куда проникло сознание необходимости борьбы за попранные права народа, подымется Красное Знамя пролетариата. Во имя освобождения нашей угнетенной родины, мы призываем всех, в ком есть сознание долга перед народом, поддержать освободитель-ное дело русской революции. Всюду поднялся мститель суровый, сознавший свое бесправное положение,—рабочий. Во многих местах и крестьяне, многострадальные и измученные веками, истощенные голодовками, потеряли терпение и возмутились против произвола престола и его слуг.

Там, где появилось сознание, там нет места примирению, ни продаже себя за чечевичную похлебку.

Между правительством и всем, что есть в народе сознательного и смелого, возможна только борьба на смерть. Поймите это, товарищи Пензенские рабочие и крестьяне, и дружно об'единяйтесь для борьбы с самым лютым врагом своим самодержавием, угнетающим слабых!

На улицах русских городов поднято Красное Знамя социализма и свободы, и рабочий народ ясно показал правительству, что он не хочет больше молча терпеть и страдать.

Призываем и напоминаем солдатам, что они дети тех же обездоленных рабочих и крестьян. Отказывайтесь стрелять в своих отцов и братьев и присоединяйтесь к борьбе против общего врага!

Пора вам, Пензенская молодежь, присоединиться к борьбе ваших братьев-студентов, сотнями идущих в Сибирь за общее дело.

Соединяйтесь же дружно в одну боевую семью, и в этот день повсеместного рабочего праздника покажем правительству, что мы идем по стопам наших героев политической борьбы. Пензенская группа Российской Социал-Демократической рабочей партии.

Приложение № 2.

Требования, пред'явленные 4 февраля 1905 года телеграфистами ст. „Пенза“ М.-К. ж. д. и „Рузаевка“ управлению М.-К. железной дороги.

1) «Коренной пересмотр устава пенсионной кассы, при непосредственном участии служащих всех отделов и категорий.

2) Уничтожение порядка перемещения и увольнения служащих по исключительному усмотрению начальства.

3) Учреждение бюро из служащих для решения вопросов о недоразумениях

служащих между собою и начальством, так и по пункту 2-му, причем всякие взыскания налагаются на служащих только по соглашению с бюро.

4) Свободное разрешение двух положенных отпусков в год, с сохранением содержания, не менее 10 дней каждый, независимо от кратковременных, вызванных исключительным положением служащих.

5) Ввести трехсменное дежурство, вместо существующих двухсменных и увеличить штат служащих на телеграфе до полной нормы.

6) Увеличить оклады с 1 февраля текущего года, против получаемых теперь, на 25 проц., причем установить таковые для служащих в Москве, ввиду исключительных экономических условий, не менее 40 руб. в месяц.

7) Увеличить квартирное содержание до 30 проц. получаемого оклада.

8) Отменить штрафы и денежные взыскания.

9) Лица, работающие ежедневно от 8-ми часов утра до 9-ти часов вечера, должны иметь в неделю 2-3 суток совершенно свободных от занятий.

10) Каждый служащий дороги должен получать ежегодно награду не менее месячного жалования.

11) Обмундирование должно выдаваться полное, т. е. к получаемому в настоящее время выдаваться пальто зимнее и летнее.

12) Срок обучения телеграфированию не должен превышать одного года, по окончании которого, и после соответствующих испытаний, кандидат должен, впредь до открытия вакансии, получать 10 рублей в месяц.

13) Вежливое обращение с подчиненными.

14) Оставление на службе всех подписавших настоящее прошение без неблагоприятных для них последствий.»

Приложение № 3.

Воззвание Стачечного Комитета, распространяемое в феврале 1905 г. среди рабочих и служащих Московско-Казанской жел. дороги.

„Товарищи и служащие!

Пора оглянуться на настоящее.

Пора поднять голову и смелее взглянуть действительности в лицо.

Каждый из нас найдет причины быть недовольным порядками, кои царят в нашей службе. Правление дороги потому молчит и не идет навстречу и уступки требованиям, которые пред'явил к нему телеграф, что мы, самая необходимая функция деятельности дороги, не принимаем активного участия в охватившей уже многие дороги забастовке.

Пред'явите, товарищи, требования правлению о прибавке жалованья и об улучшении быта вашего и, поверьте, не долго будет думать оно, а поспешит, не доводя дело до забастовки, пойти на уступки вашим и остальных служащих требованиям, иначе забастовкой мы в течение недели заставим общество дороги сделать это.

Стойте твердо, товарищи, за своих товарищей и благо для всех нас наступит скорее, чем думалось когда-либо нам!

Наша жизнь трудовая, наши пот и кровь эксплоатируются правлением, на нашем хребте наживаются миллионы, а нам, беднякам, за наш труд и в скромной подачке отказывают. Но это потому, что мы молчим и не пред'являем протеста.

Не просить нужно, а требовать всем поголовной забастовкой улучшения нашего быта теперь же, пока не остыло впечатление общего русского рабочего движения.

Да здравствует забастовка, как единственное средство добиться своих прав!

Приложение № 4.

Заявление рабочих правлению писчебумажной фабрики тов-ва П. В. Сергеева, 16 июля 1905 г.

«В Правление Писчебумажных фабрик Товарищества П. В Сергеева».

Рабочих этих фабрик заявление.

Материальные недостатки, неравномерная расценка вознаграждения за труд, излишние неоплачиваемые часы работ, обход в праве пользоваться ссудами, отсутствие участия в сберегательной кассе и другие несправедливости,—мы решились изложить в настоящем заявлении на усмотрение Правления к удовлетворению таковых по принципу взаимного уважения прав рабочих и служащих и хозяев фабрик. Работа на фабрике равняется в сутки 24 часам и эксплоатируется лишь 2-мя сменами, по 12 час. каждая. Таким образом, рабочий день, со сборами на квартире, приходом на фабрику и обратно, для не живущих на фабрике рабочих, вызывает длительность неменее 14 часов в сутки.

Рабочих дней в месяце насчитывается 26. Четыре дня безработных – это еще не означает, что мы празднуем их вместе с другими гражданами или служащими—нет, это расчитано на работу 3-й смены, организованной для некоторых отделений. Распределение труда этой смены сделано так, что она заполняет те часы в круговом обороте работ фабрики, которые уже нельзя извлечь из нас, и через каждые 2 месяца на 3-й у нас рабочий месяц сокращается до 24 дней. Несмотря на выставку в расчетных книжках цены помесячно расчет производится по числу рабочих дней. Например, плата за 26 дней 13 рублей в каждый 3-й месяц равняется 12 рублям и т. п. При таком учете работ праздники идут за будни и к плате за праздники нет никакой прибавки.

Просим: 1) Рабочие часы в сутки сократить до 9 часов, а за излишние часы, как в будни, так и в праздники, установить особое вознаграждение, повысив таковое на 35 проц. Отдых и перерыв в работе существуют только в правилах, а фактически лишь первые пять минут проходят без приглашения к продолжению работ, а там уж наступает торопление и понукание. 2) Желательно точное соблюдение обещанных и условленных установок работ и отдыха. Участвуют в сберетательной кассе только наша аристократия, но громадное число рабочих в ссудосберегательной кассе не имеет никакого участия и право занять, хотя бы на башмаки, отсутствует. Следовательно, у нас нет другой возможности, кроме как ожидания случая и терпения. Сколько лет не работай, как не голодай, а запаса, на случай экстренной нужды, болезни и старости—нет.

Просим перечислить из оборотного капитала Товарищества в основной фонд сберегательной кассы процент за каждый месяц с суммы, удерживаемой Товариществом для обеспечения расчета с рабочими за прожитое время от 1—16 числа каждого месяца; те же штрафы и вычеты, кои будут наложены, слагаются с рабочих, смотря по обстоятельствам.

Желательно участие выборных наших в обсуждении дел, имеющих возникнуть при разрешении наших ходатайств, вызываемых нашими просьбами.

1905 года 16-го июня, гор. Пенза.

Рабочие фабрик „Т-ва П. В. Сергеева, в Пензе“.

Приложение № 5.

Требования, пред'явленные 21 июня 1905 г. рабочими Пензенской фабрики гнутой мебели Това „Рамиба".

«Мы, рабочие и работницы ф-ки «Рамиба», с общего совета, решили пред'явить хозяевам требования:

1) Время на обед увеличить на полчаса без увеличения общего рабочего времени.

2) Жалованье и расценок повысить на 30 проц., ввиду невозможности существовать при вздорожании всех продуктов питания при настоящей заработной плате.

3) Получку выдавать обязательно через две недели.

4) Чтобы всем рабочим были выданы хозяйские инструменты.

5) Чтобы политуру, тряпки, спирт и тому подобное продавалось по заготовочной цене.

6) Чтобы для леса были особые возчики или вагонетки.

7) Полное уничтожение штрафов.

8) Чтобы хозяева не могли расчесть рабочего без суда самих рабочих данного отделения.

9) Рабочему при расчете выдавать за две недели вперед.

10) Чтобы во всех отделениях была устроена вентиляция.

В шлифовальном отделении—улучшить ее.

11) Чтобы время болезни рабочего—не свыше месяца—оплачивалось половиной его средней заработной платы.

12) Родильниц освобождать от работы за три недели до и две недели после родов, с сохранением содержания.

13) Фельдшер для подачи первой помощи в несчастных случаях должен постоянно находиться на фабрике. Лекарство за счет хозяев.

14) Требуем вежливого обращения со стороны хозяев и мастеров с рабочими, говорить на «Вы», не употреблять скверных ругательств.

15) Чтобы каждый рабочий работал на одном станке, а не не двух, как это бывает теперь.

16) Перед праздником машину останавливать за полчаса до гудка, для чистки станков и машин. Чистку поручать только постоянному работнику на данном станке или машине, во избежание несчастных случаев.

17) Для кочегаров восьмичасовые смены.

18) Ночные и праздничные работы должны считаться за полтора дня.

19) Чтобы мастер не задерживал выдачу работ.

20) Добросовестно принимать работы.

21) Чтобы за забастовку никто не был уволен и вообще не пострадал.

22) За время забастовки заплатить каждому его средний заработок.

До удовлетворения этих наших требований прекращаем работы на фабрике «Рамиба».

Приложение № 6.

СЕКРЕТНО.

ПЕНЗЕНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ
Городищенского уездного исправника
Р А П О Р Т.

24-го минувшего октября в с. Литвине на суконной фабрике братьев Петровых рабочие приостановили работы. Дознанием установлено, что в тот день рабочие, приблизительно до 80 человек, отправились с шумом на фабрику и с криком стали тушить зажженные лампы, кидая их на пол.

Не желавшим же рабочим прекратить работы и присоединиться к ним, грозили убийством.

Достигнув желаемого, толпа рабочих, уже в 200 человек, от фабричных корпусов направилась к фабричной конторе, откуда вызвала управляющего фабрикой П. З. Скворцова и стала настоятельно требовать от него немедленной прибавки жалованья, улучшения быта рабочих и меньшей часовой работы.

Скворцов, видя, что толпа находится в сильном экстазе негодования, начал уговаривать толпу успокоиться и подать ему список всех желаний по отношению улучшения быта рабочих и относительно прибавки жалованья.

Вскоре после этого, толпа рабочих ушла от конторы и разошлась по домам. На следующий день толпа рабочих собралась вновь к конторе и уже была в большем количестве людей, чем вечером, 24-го числа, и предъявила список желаний улучшения быта рабочих, который и оказалось невозможно исполнить.

В виду чего толпе конторою было об'явлено несогласие удовлетворить требования рабочих; тогда толпа начала кричать и настаивать на своем.

После долгих прений, толпа отошла от конторы.

Главными руководителями и подстрекателями толпы были рабочие фабрики: Петр Кузьмин Бондырев, который называл себя вторым Пугачевым и об'явил, что он может делать все, что хочет. Кроме того, тот же Бондырев стукал себе в грудь кулаком и кричал:

— Я здесь теперь все—царь и бог!

Вторым подстрекателем был Иван Трофимов Шуюпов, а за ним последним: Александр Шуюпов, Василий Шуюпов, Сергей Горюнов, Иван и Николай Макарычевы, Федор Канатьев, Иван Тихонов, Николай Шишков, Алексей Егоров и Иван Хомяков.

Во время пререканий рабочих с конторою, т. е. 25-го числа, в конторе были полицейские урядники—местный фабричный, участковый, и стражники.

Рабочие, видя стражу, требовали, чтобы она убралась из конторы, и стража вышла, за которою тут же бросилась толпа и хотела бить стражу, но благодаря тому, что в это время стояла у конторы запряженная лошадь, на которую стража села и ускакала в лес, чем и спаслась.

Однако, не смотря на это, многие из толпы гнались за стражею и довольно далеко, крича страже, что разорвут ее на части.

Помощник исправника Морошкин.

1905 г. 13-го ноября.

Приложение № 7.

Требования, пред'явленные 11 апреля 1917 года рабочими типографии „Единение":

1) признание выборных; 2) наем рабочих производить через профессиональный союз; 3) устроить примирительную камеру; 4) никто не должен быть уволен без согласия рабочих; 5) всякие переговоры с рабочими вести исключительно через выборных; 6) вежливое обращение; 7) введение мастерской в круг страхуемых (этот пункт пред'являлся тем из предприятий, рабочие коих не были участниками больничной кассы); 8) передача лечения рабочих в руки больничных касс; 9) замена сдельной и поденной оплаты труда месячной; 10) ввести для учеников, исключая фальсовщиц, 3-летний срок обучения; 11) ученики не должны отвлекаться на посторонние работы; 12) ученики, не достигшие 16-тилентего возраста, работают 6 часов; 13) моложе 16 лет не принимать на работы; 14) вышедшему из учения жалование платить наравне с другими; 15) проработавшему более года, давать ежегодно месячный отпуск, с сохранением жалованья; 16) ввести в табель праздничных дней: 9-е января, 1-е мая и день похорон жерт второй революции; 17) никто не должен быть принимаем на работы ниже выработанной расценки; 18) иметь мыло и полотенца в достаточном количестве; 19) уборку помещений производить в нерабочее время; 20) устроить вентиляцию; 21) мытье полов производить не реже одного раза в неделю; 22) жалованье выдавать в рабочее время; 23) настоящие требования должны войти в силу со дня подачи их; 24) ответ на требования должен последовать не позже двух дней со дня подачи; 25) переговоры вести в присутствии представителя профессионального союза; 26) в случае возникновения забастовки, уплата полностью за все дни таковой; 27) увеличить жалованье наборщикам, переплетчикам и накладчикам до 80 рублей.

Приложение № 8.

Требования, пред'явленные 19 августа 1917 года правлением профессионального союза „Игла" владельцам мастерских, магазинов и предпринимателям, в Пензе.

1. Немедленное введение 8-часового рабочего дня; накануне праздников работать 7 часов.

2. Уничтожение поштучной и поденной платы и переход на месячное жалованье.

3. Разделение месячного оклада жалованья на две категории—мастера и подручные.

4. Прием и увольнение рабочих через посредство профессионального союза «Игла».

5. Во внесезонное время не увольнять.

6. При увольнении обе стороны предупреждаются за месяц.

Примечание: Если предприниматель не предупредит рабочего за один месяц, то уплачивает за все время.

7. При ликвидации мастерской предприниматель уплачивает 2-хмесячное жалованье. До введения больничных в картузном цехе касс, предприниматель уплачивает во время болезни за 1 месяц.

Примечание: О болезни представляется удостоверение врача

8. Ученики, пользующиеся квартирой и столом предпринимателя, жалованья не получают. Ученики, не пользующиеся столом и квартирой, до 3-х месяцев жалованья не получают, после 3-х месяцев до года получают 15 рублей, второй год—20 рублей в месяц.

9. Проработавший не менее года пользуется 2-хнедельным отпуском, с сохранением содержания.

10. После двух лет ученичества ученику производится экзамен, после чего устанавливается о переводе его в подручные или оставлении на год доучиваться.

Примечание: Ученики должны исполнять работы, которые относятся только к мастерской.

11. Экзаменизационная комиссия должна состоять из 2-х представителей профессионального союза «Игла» и 2-х представителей от предпринимателей.

12. Размер месячного оклада для всех мастеров и мастериц картузников, работающих в мастерских I-й категории—175 рублей и подручные—75 рублей.

Оценка работ на дому—фуражка—2 р. 50 коп., шапка меховая—3 рубля.

13. Размер месячного оклада для всех мастеровых, работающих в мастерских 2-й категории—130 рублей, подручным—60 рублей.

14. Ввести расчетные книжки для всех без исключения.

15. Работу на дом выдавать по карточкам профессионального союза «Игла» выдаваемым названным союзом за своей печатью.

16. Мастерские должны отвечать санитарным условиям.

17. Требования считаются приемлемыми с 26 августа 1917 года

Об'яснение некоторых, встречающихся в тексте, устаревших названий, иностранных слов и проч.

1. **Колонизация**—заселение необитаемых земель.

2. **Барщина** или крепостное право—состояние, при котором крестьяне находились в полной личной и экономической зависимости от своих владельцев.

В России уже в конце XIV-го века подавляющее большинство крестьян находилось в экономической зависимости от землевладельцев. Нужда в рабочих руках постепенно привела к запрещению переходов на другую землю, закреплению крестьян за их владельцами и установлению личной зависимости.

Наибольшего развития крепостное право в России достигло в XVIII веке, в эпоху Екатерины „Великой". Власть помещиков над крепостными, характеризовавшаяся непомерной эксплоатацией и жестокостью, вызывала крестьянские волнения и восстания, наполняющие собою XIX-й век. Помещичьи крестьяне являлись или барщинными, т. е. выполняющими обязательную работу на господской земле (так-называемую барщину), или оброчными, для которых барщина заменялась оброком, т. е. выплатой помещику договоренного количества продуктов или-же денег.

Нередки были случаи, когда помещики заставляли крепостных выполнять и барщину и оброк.

К крепостным относятся и русские рабочие XVIII-го и первой половины XIX века, работавшие как на дворянских (так называемых вотчинных) фабриках, которых владельцы фабрик набирали из числа своих крепостных крестьян, так и на недворянских (так-наз. поссесионных) фабриках, к которым для работы на них правительство приписывало целые деревни.

3. **Поссесионное право**—в крепостную эпоху право частных лиц строить заводы и фабрики на казенных землях с лесами и приписанными к заводу или фабрике крестьянами, обязанными работать на поссесионном промышленном предприятии так-же, как крепостной крестьянин на земле помещика.

4 **Берг-инспектор**, или берг-гауптман—в крепостное время чиновник горного ведомства.

5. **Правительствующий Сенат**—в России так называлось высшее судебное учреждение при царизме.

Сенат утвержден Петром I-м в 1711 г., заменил боярскую думу (совет бояр, или крупных помещиков и князей, ведавшим вместе с государем главные дела по управлению).

Сенат при Петре I был органом верховного управления и имел гораздо большее значение, нежели какое за ним осталось впоследствии.

6. **Стимул**—побудительная причина, побуждение.

7. **Фабричная инспекция**—до революции 1917 г. правительственный орган для наблюдения за отношениями между фабрикантами и рабочими.

8. **„Искра"**—социал-демократическая газета, основанная „Группой Освобождения Труда" вместе с вернувшимся из ссылки членом Петербургского „Союза борьбы"—Н. Лениным (В. И. Ульянов), Л. Мартовым и Потресовым. Первый номер вышел в ноябре 1900 г. с эпиграфом: „Из искры возгорится пламя". Искра" повела энергичную борьбу за революционную социал-демократию, стремясь организовать революционную партию, неразрывно связанную с массовым рабочим движением.

На 2-м с'езде Р. С.-Д. Р. П. „Искра" была признана центральным органом партии.

При участии Н. Ленина вышел 51 номер „Искры", в ноябре 1903 г. Ленин вышел из состава редакции, и с тех пор газета стала органом меньшевиков, вплоть до начала революции 1905 г., когда она закрылась совсем.

9. **Астрономический день**—сутки; исчисление зарплаты астрономического дня—значит определение среднего поденного заработка в месяц, принимая в расчет и нерабочие дни (праздники).

10. **Манифест 17-го октября**—вызван Октябрьской Всероссийской забастовкой 1905 г., во время которой, 13 октября, создается в Петербурге Совет Рабочих Депутатов, как боевой орган бастующих рабочих и зародыш революционной власти. Октябрьская забастовка вызвала большую растерянность правительства, которое вынуждено было издать „манифест 17 октября" с обещанием осуществления ряда политических свобод—свободы слова, собраний, печати и т. п.—и созыва законодательной Государственной Думы.

Манифест, однако, не приостановил революционное движение трудящихся масс с пролетариатом во главе; движение продолжает развертываться. Развертывание революционных событий заставляет либеральную буржуазию искать соглашения с царизмом. Кадеты (партия конституциалистов-демократов, представлявшая либеральную буржуазию) начинают вести переговоры с правительством. Царизм получает поддержку со стороны европейской буржуазии. Все это позволяет самодержавию в конце ноября—начале декабря перейти в наступление на революцию. На местах вспыхивает полоса погромов, организуемых черносотенным „Союзом Русского Народа". Восстания, вспыхивавшие то в одном, то в другом местах России (Кронштадтское, Севастопольское, Московское и др.) подавляются с жестокостью. Страну наводняют карательными экспедициями, которые, под руководством Мина, Римана, Ренненкампфа, Меллер-Закомельского и других, путем массового террора расправлялись с восставшими рабочими и крестьянами.

11. **Майские события 1912 г.**—волна стачек, прокатившихся во множестве городов России, как протест против зверского расстрела 270 рабочих на Ленских золотых приисках, в Сибири, 17 апреля 1912 г. С этого момента начинается возрождение рабочего движения, подавленного реакцией 1906—1909 годов.

12. **Трэд'юнион**—буквально: ремесленный союз,—наименование профессиональных союзов Англии и Северной Америки. Трэд'юнионы возникли впервые в Англии в конце 18-го века, с целью защиты профессиональных интересов рабочих, чему сразу воспротивились предприниматели, проведя в парламенте закон, запрещающий всякие рабочие организации (1799 г.). До 1824 года трэд'юнионы были подпольными, но, с отменой запрещающих законов, быстро расширились и и стали представлять собою большую экономическую и политическую силу. Ввиду того, что до 1896 г. чернорабочие не имели права быть членами трэд'юнионов, последние опирались только на квалифицированных рабочих—„рабочую аристократию", которая и определила нереволюционный характер английских трэд'юнионов. В 1919 году английские трэд'юнионы организовали желтый Амстердамский Интернационал профсоюзов.

БИБЛИОГРАФИЯ

вышедшей до 1918 г. включительно периодической прессы и не периодической литературы по вопросам рабочего и профессионального движения в Пензенской губернии.

„Жизнь Печатника". 23-го августа 1918 года вышел I-й номер журнала Пензенского отделения Всероссийского Союза рабочих печатного дела „Жизнь Печатника." В первый год своего существования журнал выходил регулярно раз в месяце, в следующие—реже и, наконец, 2—3. номера в год. Журнал закрылся на майском номере 1923 г. Причина закрытия—отсутствие у союза средств на бумагу и слабый тираж, не оправдывающий расходов.

„Пролетарий". Двухнедельный журнал Губпрофсовета; начал выходить с июля 1918 года. Всего до начала 1919 года было выпущено 20 №№. «Пролетарий» прекратил свое существование за отсутствием квалифицированных журналистов-профессионалистов.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
1. От автора	I—II
2. Промышленность губернии в крепостную эпоху	3—11
3. Некоторые моменты рабочего и профессионального движения до 1905 г.	11—19
4. Стачечное движение 1905—6 гг.	19—39
5. От эпохи реакции к Февральской революции	39—54
6. От Февраля к Октябрю	54—59
7. Забастовочное движение.	59—68
8. Профсоюзы после Октябрьской революции.	68—85
9. Приложения (документы)	87—93
10. Об'яснение некоторых, встречающихся в тексте, устаревших названий, иностранных слов и проч.	95—96
11. Библиография.	97

стр.
—11
—11
—19
—39
—54
—59
—68
—85
—93
—96
97

0-20коп.

ЦЕНА 40 КОП.